

К Р О К О Д И Л

К 556/39г

Д Будзем будаваць свабоднае,
радаснае жыццё, без пакоў і капіталістаў!

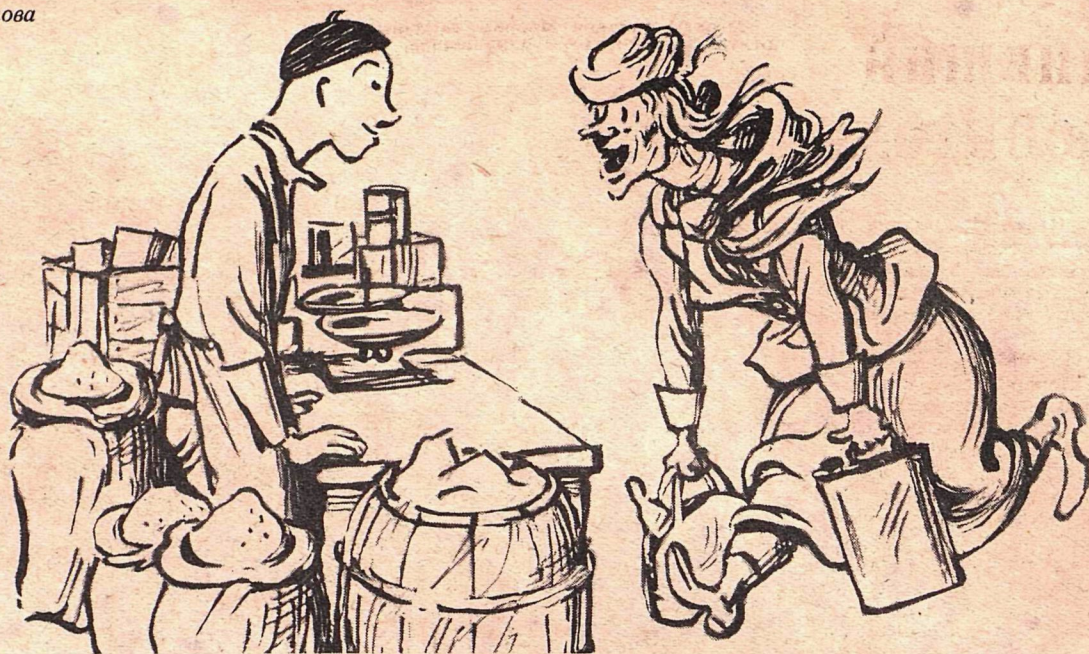

ОПОРА И НАДЕЖДА
(В Западной Белоруссии)

Рис. И. Семенова

— Этим последним караваном встретим Красную Армию, а там уже хлеба будет много!

Рис. Н. Радлова

- Спички есть?
- Есть.
- Ящик можно?
- Можно.
- А два?
- Пожалуйста.
- Дайте одну коробочку.

Люди по случаю

Вот вспыхнуло утро. Проснулись ночные сторожа, загремели магазинные замки, похожие на чугунные калачи, взвизгнули часы. Граждане отправились за покупками.

Прошло еще некоторое время и вот откуда-то из-за угла весь в мыле показывается неизвестный гражданин. Мыло у него всюду: в карманах, в портфеле, в плетеной сумке и главным образом на языке.

— Редчайшее мыло! — захлебывается он. — Сплошной жир! Двадцать кусков, как одна копейка! И, представьте, достал без всякого труда. Продавец — свой парень — живет в нашей квартире. Вынес все через заднюю дверь. Я ему подкинул кое-что, конечно. — Тут он замолкает, заметив, что болтнул лишнее.

— Простите, а зачем вам столько мыла? На это он отвечает сбивчиво и неопределенно. После долгих расспросов ясным становится одно: мыло куплено про запас. Продавец (свой парень) доверительно шепнул, что «с мылом завтра будет не того...» Что «не того», почему «не того», — неизвестно. Но гражданин устремился к задней двери...

А что стоило зайти в магазин с главного входа? Когда мы натолкнули гражданина на эту мысль, он сначала недоверчиво отмахнулся, но вскоре должен был в беспорядке отступить перед бесконечными рядами брусков того же редчайшего продукта.

— А мыло-то, было-то! — вскричал он. Мыло действительно было! Далее, уместно рассказать еще одну драматическую историю про отчаянный поединок некоей старушки с бакалейным магазином.

На почве сахарной болезни эта старушка никогда не употребляла сладкого. Врачи ей это запретили. Но вот однажды в коридоре больная заметила, как ее соседка притащила к себе в комнату пять килограммов сахара: соседка решила варить вишневое варенье. Но хитрая старуха этого не знала и рассудила так: «Если она тащит столько сахара зараз, значит тут какая-то собака зарыта. Запасается, наверное! Так и я же припасу малую толику!» Решив так, старуха бодро направилась в магазин.

— Можно получить у вас два кило рафинада? — спросила она.

— С полным удовольствием! — ответил продавец и даже улыбнулся, отводя товар.

Старушка взяла свой сахар и ушла. Но на душе у нее было беспокойно. «Почему же это он улыбался? — думала она. — Что он увидел тут смешного? Может быть, он думал, — вот, дескать, глупая старуха — берет два кило, когда сегодня продаем последний рафинад».

Придя к такому выводу, она поспешила в сберкасса за своими сбережениями.

На другой день энергичная старушка с утра явилась в магазин.

— Как сегодня насчет песку? Есть еще? — спросила она.

— Сколько прикажете? — спросил продавец, сворачивая маленький кулек.

— Убери бумагу! — приказала старуха и раскрыла мешок. — Мне сюда. Пять кило!

— Ах, варенье варите! Милое дело! — сказал продавец и, не моргнув глазом, насыпал полный мешок.

Старушка с трудом унесла свой сахар и окончательно расстроилась. «Так, — рассуждала она. — Два кило дал, пять тоже дал и слова не сказал. Это неспроста. Наверное, остатки распродают. Посмотрим, что он завтра запоет».

Словом, через несколько дней у старушки скопилось 8 пудов сахара, а продавец стал набиваться в гости пить чай с вареньем. Денег осталось совсем мало, мешки только загромождали комнату. При всем этом надо помнить, что для старухи сладкое — яд. И неизвестно, как бы она распорядилась с этими мешками при своей сахарной болезни, если бы, к этому времени ее не забрала милиция за вредные и спекулятивные поступки.

И взмыленный гражданин и сахарная старуха приносят немало вреда: они создают ненужный и бессмысленный ажиотаж, выстраивают очереди, мешают нормальной торговле. Накапливая якобы дефицитный продукт, они, конечно, втайне лелеют мысль о некоторой его перепродаже, не без выгоды для себя.

Если мы не ошибаемся, это и есть спекуляция. Но оба эти персонажа, можно сказать, — дилетанты. А есть и профессионалы.

Мы имеем в виду бойкого молодца, сделавшего ловкую куплю-продажу своей побочной профессией. Впрочем, побочной скорее можно назвать его основную специальность, ибо лучшие силы его души обращены на то, чтобы сначала «достать», а потом «загнать».

На улице к вам подходит ничем не примечательная личность в пегом прорезиненном плаще. Вид у личности наглый и спокойный. Похоже, что по вечерам личность ходит в коверкоте, с особо ценным заграничным клеем. Свистящим шопотом произносится магическая формула:

— Есть по случаю!!! По случаю — это значит, во-первых, дорого, во-вторых, дорого и, в-третьих, дорого. По случаю — это значит также, что товар добыт из-под прилавка, в то время как в магазине нервничает разочарованный покупатель.

Деловой разговор личности обычно носит однообразный по тону, но чрезвычайно пестрый по ассортименту характер:

— Могу предложить блестящий электрический чайник. Не надо? Тогда могу предложить блестящий ленинградский коверкот. Не надо? Тогда имеется...

Имеется, к сожалению, очень много. В случае чего личность не прочь намекнуть, что керосину, мол, наднях не будет. То есть в лавке не будет, у него-то, конечно, будет, даже сейчас есть. Иногда он болтает про соль, иногда треплется насчет муки. Кое-кто к нему прислушивается, и тогда выстраивается очередь за керосином, сахарная старушка превращается в соленую, человек с мылом устремляется к муке, нормальный, честный покупатель теряет время, работники прилавка выбиваются из сил, а личность на всей этой неразберихе нагревает руки.

Советские люди работают, строят, борются за увеличение богатств нашей страны. Спекулянт достаёт, «загоняет» и наживает что-то за счет этих честных людей. Он паразит, гнусный и вредный. Он не работает: это ему невыгодно. Хищнический, торгашеский инстинкт — худший из пережитков капитализма — владеет им.

И очень хорошо, что прязное дело очередного ловкача часто превращается в «Дело» за номером таким-то и разбирается в три дня.

Но выловлены еще далеко не все доставалы, загонылы и наживалы. Кто-то из них может подойти и к вам со своим обычным:

— Есть по случаю!

Не забудьте тогда позвать милиционера!

А. РАСКИН, М. СЛОБОДСКОЙ

Победивший радиолобитель

В ряде районов Москвы народные суды ютятся в непригодных помещениях.

Рис. Л. Генца

КОГДА пенсионер Павел Николаевич Бывалов установил в своей комнате им самим сконструированный радиоаппарат, отношение к Павлу Николаевичу соседей резко изменилось в сторону ничем не прикрытой вражды.

Объяснялось это тем, что, во-первых, будучи в достаточной степени «туговатым на ухо», Павел Николаевич сконструировал свой аппарат так, что он обладал только двумя возможностями: либо издавать звуки, подобные артиллерийской канонаде, либо, подобно египетской мумии, не издавать никаких звуков. Компромиссов между этими двумя крайностями аппарат не признавал. Во-вторых, как пенсионер Павел Николаевич никаких дел не имел, никуда не выходил, и с шести утра до двенадцати ночи его аппарат беспрерывно находился в состоянии своей первой возможности. Вот эти два обстоятельства и были причиной того, что атмосфера ненависти к Павлу Николаевичу накалялась прямо пропорционально накалу его аппарата и к концу дня достигала такой температуры, что внушала опасения за целостность аппарата и его владельца.

На просьбы соседей: «Маленько прикрутить, чтоб было потише», — Павел Николаевич очень долго и подробно объяснял, что конструкция его аппарата никаким звуковым нюансам не поддается, выключить же совсем решительно отказывался, мотивируя, что ему как пенсионеру в жизни только и осталось радиолобительствовать.

Формально к Павлу Николаевичу подкаться нельзя было, так как его радио «гремело» в часы, разрешенные правилами мирного коммунального сожительства. Сила же «грома» этими правилами предусмотрена не была. И соседи стали воздействовать на Павла Николаевича не формально, а по существу. Сперва на Павла Николаевича было оказано «экономическое» давление: ему было предложено оплачивать половину всего счета за электричество, поскольку его беспрерывно орущее радио, несомненно, берет энергии не меньше чем все лампочки, утюги и чайники всей квартиры. Павел Николаевич согласился.

Тогда начались более активные действия: ежедневно один из соседей брал топор, бесстрашно вылезал на крышу и, вернувшись обратно, сообщал Павлу Николаевичу, что его антенну «сдуло ветром». Павел Николаевич брал этот самый топор, так же бесстрашно вылезал на крышу и устанавливал новую антенну. Потом каждый вечер к Павлу Николаевичу стали заходить просить займы спички и в это время незаметно обрывали провод, идущий от его аппарата к батарее отопления. Павел Николаевич давал спички, после чего поправлял провод, и радио гремело попрежнему. Потом с Павлом Николаевичем перестали здороваться. Потом на кухне в присутствии Павла Николаевича рассказывали случаи удущения радиолобителей соседями по квартире. Павел Николаевич молчал, радио орало.

На десятый день, когда подавляющее большинство наличных в квартире барабанных перепонок уже собиралось лопнуть и тем самым привести своих обладателей в состояние полнейшего безразличия не только к грохоту радиоаппарата, а к любым звукам вообще, когда все соседи Павла Николаевича готовы были сдать его, подав сигнал о бедствии: «Спасите наши уши!!!», — выпрыгнуть в окно, — в этот критический момент жизни всей коммунальной квартиры совершенно неожиданно сдался Павел Николаевич и, выключив свою радиоконструкцию, ввергнул всю квартиру в полную тишину, а всех соседей — в полное недоумение. Что его побудило совершить этот явно нормальный поступок, осталось неразгаданной тайной. Спрашивать боялись: как бы Павел Николаевич, чего доброго, не передумал и обратно не включился: сами же до-

— Как можно жить в такой лачуге! Почему жильцы не обратятся в суд?

— Да здесь самый суд и помещается.

гадаться не могли. Но тем не менее все были очень довольны и с наслаждением смаковали наступившую тишину.

Шли дни. К Павлу Николаевичу перестали относиться враждебно. Многие даже переключились на чуткость и ласку. За электричество с пенсионера стали брать только за одну лампочку. Радиоопея стала забываться. Выключенный аппарат молча стоял в углу комнаты Павла Николаевича, покрытый пылью и окруженный паутиной. В квартире водворился мир.

А в это время далеко от квартиры стали происходить такие интересные события и происходили эти события с такой быстротой, что газеты за ними не успевали, и газеты «сегодняшние» уже с утра казались «вчерашними». По радио передавали теперь по несколько раз в день очень волнующие сообщения. Тогда все стали прозрачно намекать Павлу Николаевичу, что ему пора опять включиться в свое «любителство». Павел Николаевич отказался. Тогда соседи перестали намекать, а стали требовать и даже обвинять Павла Николаевича в зажиме «последних известий». Видя такие настойчивые требования, Павел Николаевич согласился, но потребовал увели-

чения регламента для своего аппарата: не с шести утра до двенадцати ночи, как было раньше, а с шести утра и до шести утра. Соседи потеряли уши и согласились. Потом Павел Николаевич потребовал вернуть переплаченные им деньги за электричество. Соседи сделали перерасчет и вернули все излишки. Потом Павел Николаевич потребовал оплатить многочисленные поломки антенны и обрывы провода. Соседи собрали нужную сумму и уплатили.

И когда в очень торжественной обстановке Павел Николаевич включил свое громкое радио, то всем показалось, что оно совсем не такое уж громкое. Кто-то даже попросил «подкрутить, чтоб погромче».

И теперь Павел Николаевич — полный хозяин в квартире. Чуть что не по нем, он грозит выключить свое радио, и все моментально делается так, как хочет Павел Николаевич.

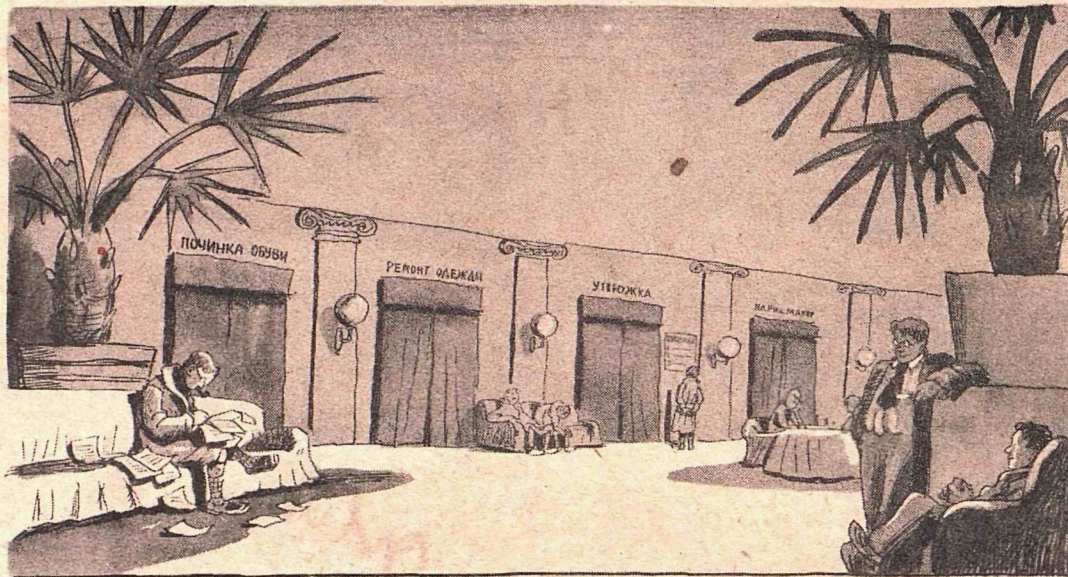
Я. РУДИН

— Теперь я знаю, от какого слова произошло слово «паника».

— От какого?

— От слова «пан».

Рис. Евгана

— Это известный драматург. Пока ему пришивают пуговицу, он, очевидно, успеет написать новую пьесу.

Если завтра в поход

ОТЕЦ Бобки Горохова — Василий Иванович — был художником и с бобкиной точки зрения самым лучшим художником во всем мире. Он мог нарисовать коня, красноармейца и пушку, как никто.

С той же, с бобкиной точки зрения пожилой, лысый и носатый Василий Иванович — обладатель изрядного животика и кривоватых ног — был еще и самым красивым, самым могучим мужчиной во всем мире.

Ого! Поищите-ка еще такого папу!

Что касается матери — Надежды Александровны, — то это была мама, как мама. Высокая, румяная, хорошо пахнущая, пристающая, а у самой губы намазаны папиной краской. Поцелует, а потом тащит в ванную отмывать бобкину щеку.

Шестидесятилетняя Степановна, дворничиха, с которой у Бобки дружественные отношения, куда красивее мамы. Чего тут говорить! У Степановны на носу очень интересная бородавка и волосы необыкновенного белого цвета под платком, а у мамы какие-то черные, блестящие, в завитках. Просто ерунда! Нацепит на одно ухо синий берет с пряжкой в виде собачьей головы и убежит утром на службу. Нет, нет, не красавица.

А если сидит в выходной дома, то, пока у нее отпросишься побегать на двор, — слезами изойдешь.

— Ой, у тебя, кажется, температура!.. Ты покушай сначала!.. А ты не будешь с мальчиками драться?

А с кем же еще драться, скажите на милость? С девчонками, что ли? Так они, в первых визжат, когда их бьешь, а во вторых, им дашь раз подножку — и готово — делать больше нечего.

С папой, с Василием Ивановичем, жить куда занятнее и проще. Только заикнешься: «Папа, я на двор пойду», — как он уже радодешенек:

— Качай, брат, качай, а то ты мне мешаешь работать.

— Я, папа, кушать сейчас не буду. Я с собой возьму хлеба с маслом.

— Бери! И конфетку можешь взять из буфета. Стой! Штаны не застегнуты. Застегнись-то хоть, герой, голова в полоску!

— Я, папа, на лестнице застегнусь. Я две конфетки возьму, хорошо?

— Ладно! Но чтоб штаны были застегнуты. А то мама вернется, увидит — обоим нам, брат, влетит. Ну, качай, качай!

Красота, а не папа!

И вдруг случилось происшествие, которое заставило Бобку Горохова произвести кардинальную переоценку ценностей.

Леня Куликов, бобкин приятель, спросил Бобку на дворе:

— Слушай, твой папа кто?

— Будто не знаешь, — художник! Картины рисует.

— А если завтра в поход, кем он будет?

Бобка растерялся: в самом деле, кем же будет папа, если завтра в поход?

Подумал и ответил не очень уверенно:

— Танкистом будет. Или летчиком.

Леня Куликов заметил бобкину неуверенность и стал дразниться:

— Эх ты! «Танкистом или летчиком». Кем-нибудь одним надо быть. Вот мой папа, если завтра в поход, определенно будет артиллеристом-зенитчиком. А папа Димки Кнутикова не дождался завтра и уже сегодня ушел в поход. Он определенно пулеметчик. А ты ничегошеньки про своего не знаешь.

Бобка хотел было сразу же дать Лене Куликову подножку, чтобы не дразнился, но раздумал и решил бежать домой узнать: кем же, действительно, будет папа, Василий Иванович, если завтра в поход?

Василий Иванович в старом, измазанном красками пиджаке сидел перед мольбертом с кистью в одной руке и с палитрой в другой и, прищурясь, всматривался в холст, на котором пышно зеленела только что созданная им березовая роща.

Увидев Бобку, запыхавшегося и красного, он спросил, не меняя позы:

— Ты чего прибежал? И морда вся красная? Опять дрался?

— Папа, если завтра в поход, ты кто?

— Не понимаю, что ты говоришь.

— Ну, если завтра в поход, ты кто: танкист или летчик?

— Я, брат, почечник, вот кто, — усмехнулся Василий Иванович.

— Почечник — это все равно что зенитчик, да?

— Не совсем. У меня, брат, почки больные. Понимаешь? Меня вовсе от военной службы освободили. Даже с учета сняли.

Страшное разочарование овладело всем бобкиным существом. Вот тебе и самый красивый и самый могучий мужчина в мире!

— Значит, все уйдут в поход, — сказал он дрожащим голосом, — а ты будешь здесь сидеть, как дурачок, и свои картинки рисовать?

Василий Иванович дотронулся кистью до холста, полюбовался, склонив набок голову, на дело рук своих и ответил:

— Тогда, деточка, другие буду картинку рисовать. Нам, художникам, тоже будет работенка, не беспокойся. Не отстанем ото всех. А сейчас качай, брат, на двор. Не мешай папе.

— Не пойду я на двор, — буркнул Бобка, готовый разреваться.

— Это почему такое?

— Это потому такое, что меня, Леня, задразнит. У него папа — зенитчик, у Димы — пулеметчик, а у меня — по... почечник!

Бобка всхлипнул и закончил шопотом:

— Он и нишпочем не поверит, что почечник — все равно, что зенитчик.

Василий Иванович положил кисть и внимательно посмотрел на сына. Бобка ревел совсем уж откровенно.

— Вот оно что, — сказал Василий Иванович очень серьезно. — Я, брат, Бобка, тебя понимаю. Папа-почечник — это не сахар. Но я тут не виноват, что у меня почки. А ты им, знаешь, что скажи, своим огольцам? Ты им скажи, что если завтра в поход, то у тебя мама пойдет.

Бобка снова всхлипнул и безнадежно махнул рукой:

— Кто ее возьмет с намазанными губами? Она же всех перепачкает.

— Возьмут. Она ведь у тебя инженер-химик. Понимаешь? Химик — это не фунт изюма. Она обязательно в поход пойдет. Вот, брат, какая у тебя мама. Ни у кого на дворе такой

(Западным белоруссам)

— Безобразия! Пять месяцев, как я подал жалобу, а она лежит без движения!
— Что вы! Наоборот, она все время переходит из рук в руки.

От участи рабей
Вы голы и босы—
Помещик ограбил
Поля и покосы.

Веками стонали
Над тощею нивой.
Паны заслоняли
От солнышка дни вам.

Эй, пан голстомясий,
Конец! Отблестили!
Тикай, пан, до ясу,
За братьев мы встали!

И в грустные села,
Как счастья предвестник,
Потоком веселым
Врывается песня.

И новое слово
Пусть радует хаты:
«Будайте здоровы,
Живите богато!»

Р. РОМАН

мамы нет. Ты этим Ленькам своим сто очков вперед можешь давать.

Бобка размазал кулаком слезы по пухлым щекам, улыбнулся и сказал, все еще не веря:

— Дай честное ленинское, что не врешь?

— Даю честное ленинское.

— А меня мама может взять с собой в поход?

— Если будешь себя хорошо вести, может, и возьмет.

— Я сейчас,— сказал Бобка и умчался.

— На дворе жизнь шла своим чередом. Прекрасная дворничиха пылила метлой, домашние хозяйки развешивали на веревках мокрое белье, Леня Куликов и Дима Кнутиков сидели на скамейке и, болтая ногами, плевали на землю — кто дальше.

Бобка небрежной походкой подошел к приятелю и сказал, надув щеки от отчаянной гордости:

— Между прочим, если завтра в поход,— у меня мама уйдет. Химиком! Это не фунт изюма. И обязательно меня с собой возьмет.

— Ври! — вместе сказали Леня Куликов и Дима Кнутиков.

— Не сойти мне с этого места,— поклялся Бобка и вдруг услышал за спиной знакомый голос:

— Бобочка!

Бобка обернулся и увидел Надежду Александровну, румяную, улыбающуюся, в синем берете с пряжкой в виде собачьей головы. Впервые она показалась ему красивее дворничихи. Бобка бросился к матери и схватил ее за руку:

— Мама, если завтра в поход, ты меня возьмешь с собой?

— Куда же я тебя возьму,— сказала Надежда Александровна,— когда ты опять бегаешь с расстегнутыми штанами. Как не стыдно! И взъерошенный какой-то весь. У тебя, наверное, температура? Ну-ка, пойдем домой!

Она взяла Бобку за руку, и они пошли вместе домой. Бобка шел, высоко поднимая голову и твердо печатая шаг.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

Ли́ра с бра́чком

1. О ЗЕВАЮЩИХ ПРОПАСТЯХ

Классики (Пушкин А. и Лермонтов М.), писавшие о Кавказе, оказываются, отличались крайней ненаблюдательностью. Многого они не заметили, описывая красоты кавказской природы. Значительно наблюдательней современные поэты. Один из них (Озеров Л.) поместил в «Новом мире» стихотворение «Кавказ», в котором прямо говорится:

*«Дорога в горы круче во стократ
Разбойничьих баллад и повестей.
А по бокам необозримый ряд
Зевающих и черных пропастей».*

Прозевали классики «Зевающие пропасти». А вот Озеров не прозевал. И редакция «Нового мира» не дремала: все заметила, кроме неграмотных стишков в своем журнале.

2. НЕ БЫТЬ! НЕ БЫТЬ!

Н. Атаров напечатал в журнале «Красная новь» (№ 4 за 1939 год) ужасно философский рассказ под названием «Араукария». Сочинение размещено на 8 страницах, на каждой странице 2 столбца, всего $8 \times 2 = 16$ столбцов высококачественной пошлости.

«Герой» рассказа, доктор Дробышев, живет по формуле: «Что ж, сказок про нас не рас-

скажут. В депутаты не выберут». А в молодости он развлекался так:

«Он звал жену, она послушно раздевалась, как на приеме, оставляя на себе юбку. Он выслушивал ее, просил дышать, кашлять, Аннушка хихикала; он тискал ее живот, нащупывал селезенку, говорил: «Вот селезенка хорошенькой женщины». Это называлось у них частной практикой доктора Дробышева».

Состарившись, Дробышев действует в том же духе. Увидев впервые мужа своей родной дочери, «он натянул халат» и заявил:

— Раздевайтесь, молодой человек...

Дробышев выстукал Сашу, спросил: «Хорошо ли спите?.. Мочитесь ли по ночам?.. Не жалуется ли жена?.. «Подкоонец он шлепнул Сашу по животу:

— А месяц мы еще наростим, молодой человек!»

По поводу описываемых событий Н. Атаров глубокомысленно рассуждает:

«Все могло быть не так, как случилось, не в том порядке или даже вовсе не быть».

А ведь верно: что если бы рассказу Атарова в журнале «даже вовсе не быть»? А?

Идея!

ЗОЯ КАБУЛЬ

Доска приказов

ПРИКАЗ № 69

По Серафимовическому райпотребсоюзу, Сталинградской области

от 5-го июня 1939 года.

§ 1.

Товароведа Серафимовического РПС т. Евдокимова А. С. с работы снять как прогульщика с 5-го июня 1939 г. (5-го июня вышел на работу вместо 9 с половиной часов в 11 часов).

§ 4.

...Временно исполняющему обязанности зам. зав. торговделом — товароведа тов. Евдокимову А. С. обратиться к исполнению своих прямых обязанностей...

Предправления РПС И. А. РОГАТКИН

Рис. А. Каневского

— Наконец-то у нас появился хороший досчатый тротуар!

Последнее приключение Шерлока Холмса

Знаменитый сыщик Шерлок Холмс отложил в сторону скрипку, нежными звуками которой пробовал разогнать хандру:

— Нет! Не могу. Мне трустно, доктор!

Доктор Ватсон почтительно осведомился о причинах такого скверного настроения.

Холмс помолчал, выпустил клуб густого дыма и, протянув Ватсону какую-то тонкую брошюрку, односложно сказал:

— Вот.

Ватсон посмотрел на обложку, на которой было напечатано «НКЮ Союза ССР. Управление учебными заведениями. Программа по криминалистике для юридических институтов», и пожал плечами.

— Объяснитесь, Холмс! — сказал он. — Я по своему обыкновению ничего не понимаю.

— А между тем это так просто. Эта программа повергла меня в тоску и смущение. Прочтя ее, я понял, что я мальчишка и шенок. Оказывается, что любой студент, обучающийся по этой программе, становится обладателем таких методов раскрытия преступлений, о которых я даже и не подозревал.

— Что вы говорите?!

— Да, да! Оказывается, например, что, кроме известных мне следов ног человека и животных, студенты изучают следы ног транспорта! Так и сказано в программе: «Следы

ног животных и транспортных средств»! Вообще следы изучаются там всесторонне. Я, например, не предполагал, что веревка имеет следы. А оказывается, что она их имеет и очень диковинного характера. «Следы веревки: петли, узоры, почва и пыль». Каким образом почва и пыль могут быть следами веревки, этого даже я со своим аналитическим умом понять не в состоянии. А вот, не угодно ли, как студенты учатся отбирать образцы. В разделе «следы ног человека» имеется параграф: «отобрание образцов и следов ног». Вы понимаете? Они отбирают образцы ног! Как они это делают? Отрезают, что ли? У них там даже собаки совершенно невероятные. О них сказано: «работа собак по охране социалистической собственности»... Вот это собаки...

— Простите, Холмс! — прервал взволнованную речь друга Ватсон. — А не кажется ли вам, что эта программа просто безграмотна?

Холмс задумался, затем вскопил и восхищенно ударил доктора по плечу:

— Вы делаете успехи, Ватсон. Вы правы. В свое оправдание я могу только сказать, что меня сбilo с толку солидное название учреждения: «Управление учебными заведениями наркомюста».

Успокоившийся Холмс взял скрипку и виртуозно исполнил «Катюшу» М. Блантера.

Дитя гор

Я СТОЯЛ во дворе санатория «Горное ушелье» № 3 и любовался закатом. Вдруг я заметил, что на задней стене санатория, где забавлялись лучи уходящего солнца, не хватает куска штукатурки.

— Как получилась эта брешь? — спросил я сторожа.

Старый Ахмет улыбнулся.

— Ты седьмой товарищ, — сказал сторож, — который спрашивает меня сегодня об этом. Ты приехал вчера ночью и не знаешь историю про Зелим-чабана. Слушай внимательно, и я расскажу тебе про Зелим-чабана.

Видишь: вдаль, за полосой залива, стоит гора. За этой горой — другая гора. А за той горой — третья гора.

На той горе живет Зелим-чабан. Живет он там давно. Весной Зелиму исполнилось ровно сто двадцать три года.

Был силен и крепок Зелим. Никогда в жизни не знал он того, чем болеете вы, жители долин. Никогда у Зелима не было ни насморка, ни мигрени, ни миокардита. В сто двадцать три года ни одного седого волоса, ни одной морщины, ни одного припадка психостени. Разве насморком может болеть скала?

И вот недавно высокое начальство из районного отдела здравоохранения узнало о существовании в горах такого чудесного старика. Решило начальство оказать Зелиму почет и уважение и создать ему благоприятные условия для дальнейшего роста его долголетия.

Ученые люди поехали к Зелиму и привезли его сюда, в наш санаторий, на предмет еще большего укрепления его могучего здоровья.

Поместили его в санаторий, и стал Зелим с того дня называться больным, а комната, в которой он жил, — палатой, а кровать, на которой он спал, — койкой.

Обидно стало этому дитяти гор, что его оскорбляют, называя больным, и загрустил старик.

И житья старику не стало: то у него требуют для исследования мочу, то просят крови для анализа, то заставляют, как барана, становиться на весы.

Потерял Зелим покой и веселый свой нрав. Хочет соснуть — радио заливается. Только приляжет на койку, как приходят к нему в палату два врача и три сестры. Начинают его щупать, давить ему живот, приказывают не дышать. За тем его тащат на пляж, на самый солнцепек, и долго переворачивают с одного бока на другой.

Вы, жители долин, привыкли ко всему этому. Вы даже платите деньги за все такие процедуры. Но Зелим считал, что над ним издеваются и унижают его достоинство.

Похудел Зелим, побледнел. В бороде появились седые волосы. Сердце начало пошаливать, и врачи признали, что у него появились симптомы эндокардита. Ты, товарищ, наверно, не знаешь, что это такое, а я здесь двенадцатый год работаю и всю медицину знаю, как свои пять пальцев. Эндокардит, товарищ, — это нарушение сердечной деятельности.

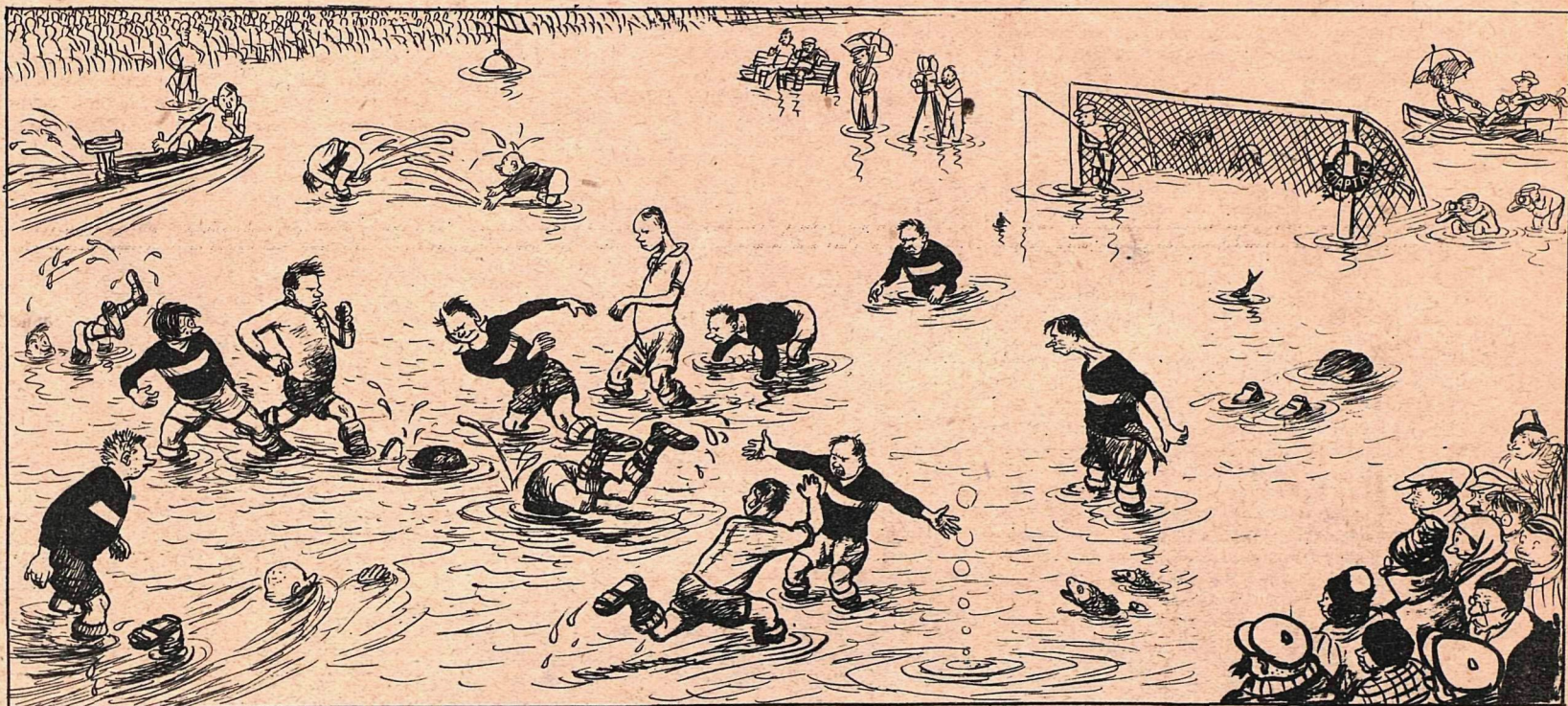
Кроме всего прочего стал Зелим страдать запорами. Начали доктора брать у него желудочный сок для исследования, признали сильное понижение кислотности. Взревел Зелим.

С каждым днем положение его становилось все хуже и хуже. А тут еще экскурсии одолели: всем любопытно посмотреть на такого человека.

Старик не выдержал. Однажды ночью он бежал через это вот окно, со второго этажа. И это он, Зелим, содрал со стены кусок штукатурки...

Ахмет замолчал. Вдали шумело море. Над горами зажглись первые вечерние звезды.

Г. РЫКЛИН

— Если бы не бутцы, то совсем пловцы.

Вера в людей

— Чего смотрите, гражданин? Пью много?.. А может, через то пью, что я в людей веру потерял. Я, если хотите знать, разуверился людьми. Да! Вот вы, гражданин, я извинюсь, сами кто будете?.. Чего?.. Ах, писатель... Ну вот, гражданин писатель, я вас спрашиваю: что мне теперь делать, если я людьми разуверился?

— Да почему? Каким образом?

— Обыкновенно каким образом. Я сам есть маляр. До нынешнего года я по квартирам не работал. Я работал, безусловно, в учреждениях и на новых строительствах. Человек я молодой, сам из деревни. Я городских граждан до нынешнего года не встречал.

— Ну и что же?

— Ну а в этом году перебросили меня в районную контору. Которая квартирный ремонт производит контора. Сейчас хоть вы туда придете, заказ сделаете, и сейчас вам пришлют маляров ремонтировать вашу комнату. Хоть бы меня пришлют.

— Понимаю...

— Нет, вы этого понять не можете! Это надо на себе испытать!

— Что испытать?

— А то! Куда вы ни приходите, сперва вам кажутся люди хорошими. Но только вы к ним как следует приглядитесь,— видите: зверь на звере!

— Так уж и звери?..

— А то кто же?! Вот я вам расскажу: на той неделе начали мы работать у одних — как бы сказать? — граждан. Муж — жена. Из себя молодые, культурные такие, на нем штаны уютные... Когда пришли, то она — жена то есть — слова мужу не скажет без этого... без «пожалуйста»... «Котик, пожалуйста, дай мне то... дай другое... Пожалуйста, иди суп ешь... Пожалуйста, стукни нашу собачку, чтобы она не брехала...» Ну, я думаю: вот как люди правильно живут. У него книг 4 полки. У нее пузырьков, чтобы по лицу мазать, до 20 штук. Нет-нет — и при нас поцелуются...

— Ну что ж, очень хорошо...

— Вот и я так-то думал!.. Ну, в первый день начали мы купоросить. От купороса брызга летит крупная. И она не смотрит, куда она летит, брызга то есть... Ну, поработали мы до

вечера, хотим уходить, смотрим: у хозяев обхождение не то. «Котик, — говорит, — неужели тебе трудно было убрать мои чулки, чтобы они не погубили?» А Котик, конечно, не огрызается еще, но к тому дело идет. Да-а-а... Через два дня приходим олифить. Олифа, она в общем не такая вредная, как купорос, но глаза есть справно. По глазам она купорос перешибает... Ну, я смотрю, хозяева мои ходят туча тучей. Куда там «пожалуйста»! Никаких «пожалуйста», только что не кусают друг друга... Ну, думаю, вот тебе и культурная городская жизнь. Это они первый день постороннего человека чинились.

— Да, но вы упускаете из виду...

— Нет, уж вы дайте мне досказать. Через два дня приходим грунтовать. Грунтуем, конечно, не тем цветом. Хозяйка на нас визжит, чисто поросенок в мешке. И мне не за себя обидно, а за этот визг, что он против культуры идет. Еще через день красим, и тут, значит, не хватает белил полтора кило. Сейчас моя хозяйка подходит до своего хозяина и хлясь ему по морде своею рукой. А рука, ме-

жду прочим, тоненькая, ногти баканом разделанные, бить ей, видать, неспособно. Хозяин в ответ, конечно, замахивается тоже, но, конечно, поглядел на нас, при посторонних постеснялся учить жену. Только шваркнул ее в коридор, аж с полочки две чашки свалились.

Вот тебе, думаю, и культурная жизнь! У нас в деревне и то против этого речи произносятся, а тут...

— Да, но ведь вы же сами...

— Чего «сами»? Да разве я себе позволю?.. А тут... Добро бы — они одни. А то в другом доме работал, тут вот, в переулочке. Тоже какие-то нервные очень все. Ребенок у них. Как пришли, все это вокруг ребеночка пляшут. «Вовочка, Вовочка...» А потом мы начали работу, и сняли нас в середине всей работы. А через две недели приходим грунтовать — только и слышно: «Вовка, я тебе уши оборву! Вовка, ты у меня кровью умоешься!» Где же тут городское образование?

— Опять вы сами!

— Что я сам? Вон я в Курбатовском переулке работал, так там хозяйка свою мамашу с утра срамила, это тоже я виноват?!

— А как она срамила?

— «Мамаша, — говорит, — это все ваши дела! Это вы придумали ремонт, чтобы, — говорит, — «в грязи не жить...» А мы через вас именно в грязи два месяца живем...»

— Ну, вот видите! В этом все дело. Потому люди и делаются всюду такими нервными и злыми, что вы со своим ремонтом им жизнь портите.

— Ну да?..

— Конечно. Да вы сами подумайте...

— Ой, гражданин... Ой, гражданин писатель, это что же выходит?! Это выходит, вы мне веру к людям возвращаете! А я то-думал, что мне придется людьми разувериться... А я-то... Вот спасибо вам! Вот спа...

— Чего ж вы теперь пьете?

— С радости пью, с радости, гражданин хороший! Сейчас это вот допью и пойду на улицу радоваться... Желаю вам всего, как бы сказать, наилучшего...

Басня

У зеркала застыл какой-то гражданин.

А друг его шептал:

— Ты молод и прекрасен!

Таких на свете нет! И я вполне согласен,
Что ты на всей земле — единственный один.

А если у тебя лицо чуть-чуть рябое,

На лбу прыщи торчат

И нос лиловый крив,

То это пустяки. Ты дьявольски красив!

Уж это зеркало такое...

У критиков иных сложился графарет

Оценки и хвалы переведенных строчек:

Чуть хороши стихи, — да здравствует поэт!

А если что не так, — виновен переводчик.

...Немало есть у нас весьма плохих зеркал,

Но не всегда хорош

И сам оригинал!

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

В. АРДОВ

Пластинка

Рис. А. Орлова

ВИТИН папа купил патефон с пластинками, и вечером вся семья собралась вокруг патефона.

Настольная лампа освещала его матовую вишневую крышку, никелированная ручка блестяла, пластинки вращались, арии сменялись песнями, песни — маршами.

Витя, сияя от счастья, сам заводил патефон, мама доставала пластинки из кожаного альбома и передавала их папе, а папа клал пластинку на красный суконный диск, переводил рычажок и осторожно опускал иголку. Когда пластинка кончалась, он переворачивал ее, словно блин, на другую сторону, и снова гремела музыка!..

Наутро мама, уходя на рынок, строго-настроено запретила Вите трогать патефон.

Витя и не собирался трогать патефон, но, после того как мама ушла, он подумал, что завести патефон — дело нетрудное: «Проиграю одну пластинку и больше не буду!..»

Он открыл вишневую крышку, блестящая ручка легко вынулась. Витя завел патефон и тут только увидел, что альбом с пластинками лежит на верхней полке книжного шкафа. Витя подвинул кресло, залез на него, встал на цыпочки и достал альбом с полки.

Он проиграл одну пластинку — это была «Каховка», любимая витина песня. За «Каховкой» прозвучала песня про казака Голоту, за ней — авиационный марш, за ним — румба, за ней — краковяк, за ним — ария Ленского, за ней — вальс, за ним — песня дальневосточников, а потом Витя перестал выбирать и ставил пластинки одну за другой.

Вдруг на стене забили часы. Вот-вот должна была вернуться мама. Витя быстро закрыл крышку патефона, залез на кресло, поднялся на цыпочки, протянул руки, чтобы положить пластинки на место, но тяжелый альбом выскользнул из витиных рук и шлепнулся на пол!..

С похолодевшим сердцем Витя раскрыл его и увидел, что нижняя пластинка раскололась на две половинки. В это время в прихожей щелкнул замок. Мама!.. Витя едва успел положить альбом на полку!..

После обеда к папе пришли гости и попросили завести патефон.

— Я, пожалуй, пойду спать!.. — сказал Витя зевая.

Рис. Л. Генца

— Что здесь делают эти люди ночью?

— Делают вид, что они что-то делают.

Мама забеспокоилась: отчего так рано Витя захотел спать, не захворал ли он? Но Витя был здоров. Он просто струсил. Мама уложила Витю и вернулась в столовую.

— Витя, ты трогал патефон и пластинки? — спросил назавтра папа.

Витя хотел сказать, что трогал и что больше не будет. Он уже открыл рот, чтобы это сказать, и вдруг сказал, что не трогал!.. Папа недоверчиво покачал головой, потом поцеловал Витю и ушел на работу.

«Никогда больше не подойду к патефону! — подумал Витя. — Никогда больше к нему не притронусь!..»

Но только он остался в квартире один, его так и потянуло к столику, где стоял патефон, и он снова начал ставить пластинку за пластинкой. С этих пор, как только Витя оставался один, он перетаскивал патефон в свою комнату, ставил прямо на пол, ложился рядом и заводил его в свое удовольствие!..

— Сынок, — сказала однажды мама, — а ведь ты брал патефон, он стоял посередине столика, а теперь стоит на краю!..

Но Вите, совравшему один раз, было уже нетрудно соврать во второй.

Ночью, лежа в постели, он прислушивался к разговору, долетавшему к нему из столовой.

— Беда не в том, — говорил папа, — что он расколол пластинку. Ее можно починить. Меня огорчает другое. Огорчает меня, что он врет. Врет и не краснеет. Этого раньше не было!

Вите стало стыдно до слез. Он захотел встать с постели, побежать в столовую и рассказать обо всем папе и маме. Но потом он решил оделать это завтра за чаем.

Не сделал он этого и завтра, а через несколько дней все пошло попрежнему. Патефон снова начал кочевать из столовой в детскую и из детской в столовую. Витя решил никому не рассказывать об этом: «Когда вырасту большой, тогда и расскажу...»

Однажды Витя нашел в альбоме странную маленькую пластинку. Все пластинки большие и черные, а эта маленькая и прозрачная, как стекло. Витя очень удивился, что не видел этой пластинки раньше, тотчас поставил ее, лег на живот и приготовился слушать.

Сначала пластинка зашипела, потом откашлялась и вдруг громко и отчетливо сказала папиным голосом:

— Эх, Витя, Витя, а я-то тебе верил!..

Витя так и обмер. Он вскочил, быстро оглянулся, но папы нигде не было, а пластинка продолжала:

— Вот ты, оказывается, берешь патефон и пластинки, хотя мама тебе и не позволяет этого делать. Мало того, что берешь, а еще и врешь, говоришь, что не брал. Стыдно, сынок, стыдно!..

И пластинка замолчала. Она вертелась, шипела и молчала. Витя стоял ни жив, ни мертв.

— И часто ты берешь патефон? — спросила вдруг пластинка папиным голосом.

— Часто. Каждый день... — еле слышно ответил Витя.

— Я так и думал... А кто разбил «Каховку»? — заинтересовалась пластинка.

— Я! — еще тише ответил Витя и опустил голову.

— Так... Ты, наверно, и меня сейчас разобьешь? — грустно спросила пластинка.

— Нет, не разобью, — ответил Витя.

— Ну, вот что, сынок, — сказала пластинка, — упрекать тебя я не буду. Ты и сам знаешь, что поступал нехорошо. Нехорошо, что брал патефон, а еще хуже, что врал. Правда?

— Правда, — прошептал Витя.

— Больше не будешь? — спросила пластинка.

— Никогда, — горячо ответил Витя, — никогда, папа, больше не буду!

— Вот и хорошо, — сказала пластинка, — я тебе верю. А теперь сними меня, положи в альбом, закрой патефон и поставь все на место.

Так Витя и сделал. Он был маленький и еще не знал, что существуют так называемые говорящие письма, т. е. что каждый гражданин может наговорить в специальном ателье пластинку и унести ее с собою.

ВЛАДИМИР ЛИВШИЦ

— Что же это, товарищ, я уже два дня на первое только солянка.

— Что же вы, гражданин, целый месяц подряд давали флотский борщ.

Наука и

Некоторые люди весьма легкомысленно относятся к электричеству. Одни заставляют свет гореть даже днем. Другие дотянутся до выключателя. Четвертые не задумываются, почему свет не горит, а пятым известно, чем все это кончится, если против расхитителей электричества не будут приняты меры.

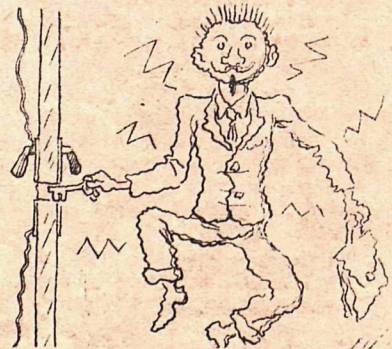
По мысли нашей научно-технической комиссии, к электричеству. И к этому вопросу мы еще вернемся в следующих проектах.

1. ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ НАПОМИНАТЕЛЬ «К-21»

В некоторых учреждениях нередко забывают тушить свет на ночь. Или тушат не во всех комнатах. Борьба с этим ведется, но не достигает цели.

Между тем весьма легко использовать тот же электрический ток.

Надо сделать так, чтобы последний человек, закрывающий дверь на ключ или на замок, получил соответствующее напоминание: забыл, дескать, курицын сын, потушить свет.

Как это сделать? Надо нанять специалиста, который бы определил, какой бы одного служащего электрический выключатель в этой запертой двери. (являющийся прелестью в скважине соответствующей рическая разряд удари в руку и это напомнит погасить свет.

Погасив свет, мощью какой-нибудь закрывает дверь домой со спокойной душой.

2. ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ НАПОМИНАТЕЛЬ «БЛАГОДАТНЫЙ»

Конечно, не надо одергивать человека, когда он не потушил свет, а лучше предупредить его и напустить на него раз полезный воспитание личному человеку удовольствия наслаждаться светом.

Для этой цели можно использовать лампу «Благодарная».

Безумный день,

или

ошибка Анны Ивановны

В ТРИ часа ночи Анну Ивановну разбудил телефонный звонок.

— Алло! Кто это? Кто? Лиза... в чем дело? Что? Надо бежать?... Куда бежать? В очередь! Кто сказал? Ах, Марья Филатовна... Это, у которой муж по... По статье... Ага! Я говорю: «А-га». Ей верить можно, она зря не скажет. Значит — бегу...

Анна Ивановна турманом отлетела от телефона; со стуком надела туфли, задом наперед напялила платье.

— Это — очередное сумасшествие? — спросил муж.

— Если я до твоего ухода на работу не успею обернуться, запири Алика на ключ, — распорядилась Анна Ивановна.

До утра она просидела на холодных ступеньках сберкассы. Утром сказала что-то нервное прохожим теткам. Тетки мигом обернулись домой за сберкнижками и встали за Анной Ивановной в очередь. В сберкассе она влетела первая.

— Дайте мне обратно все мои 520 рублей 51 копейку. Да, да! Подсчитайте и проценты! Все!

Из автомата Анна Ивановна позвонила Лизе. — Уже. Как — «что уже!» Сберкнижку потушила. Ага. Что? За сахаром? Кто оказал? Ах, Марья Филатовна! Ну-ну, бегу.

Сахар она покупала со значительным лицом (кто его знает, что может случиться. Сегодня — живы, завтра — помрем. Как же без сахара-то?).

Дома оказалось, что Алик ползает по полу. Очевидно, он вывалился из кровати и, наверное, даже ревел: ресницы мокрые, щеки в серых подтеках. Одно утешение — кот Султанка.

— Играй, играй, деточка, с котиком. Маме некогда, мама скоро опять убежит...

Сахар разрывал кульки. Пришлось песок всыпать во все свободные банки и даже в супную кастрюлю; колотый — взгромоздить на шкаф; пыльный — сунуть под кровать.

Зазвонил телефон.

— Кто это? Лиза... Ах, голубушка, знаю, сама знаю. Керосин... мыло... А что, Марья Филатовна про гуталин ничего не говорила? Я говорю: гу-та-лин... Ничего? А я все-таки думаю прихватить. Да... коробок семьдесят... Не мало? Что? Как раз?! Ну, уж и как раз... Вот еще соя-кабуль. Я говорю: ка-буль. Соя-я... Ах, боже мой, ну и что же, что не едим?! Мало ли что может случиться?!

Первые двадцать литров керосина Анна Ивановна разлила во все пустые бутылки, в глубокие тарелки, в таз для варенья.

Алик сидел на полу и строил домик из пыленного сахара.

— Боже мой, что за ребенок! Алик, не тронь сахар, сахар — не игрушка. И керосин не тронь! Керосин — бяка! Сиди, не плачь. Маме не до тебя. Играй с котиком!

Следующую партию керосина Анна Ивановна вылила в корыто, а остаток — в супную кастрюлю.

— Господи боже мой! Нельзя же запомнить все сразу! Оказывается, в супной кастрюле уже был сахарный песок!

Строительный материал у Алика прибавился. Под столом выросла разноцветная куча мыла. Он ставил мыльный фундамент, воздвигал стены из сахара, а тротуары мостил гуталиновыми коробками. Одна из них открылась, и Алик смог вымазать коричневым гуталином ножки кровати и одну белую отцову туфлю. Это тоже было занятие не из последних, тем более что кот Султан куда-то пропал и играть было не с кем.

Анна Ивановна вернулась домой поздно, гораздо позднее своего мужа. Сперва в дверь просунулась корзина, полная кулек, затем показалась она сама.

Алик ревел в постели. Муж разговаривал в коридоре с соседкой.

— Я так полагаю, с ребенком это от сахара, — сказала соседка. — А может быть, даже и от мыла. Ребенок весь день сахар кушал, а вечером я смотрю: у него во рту земляничное мыло. Этот-то кусок я пальцем как-то подцепила, но неизвестно, сколько он успел съесть...

— Обед, значит, не будет? — злое спросил муж у Анны Ивановны и подошел к столу, где стояла супная кастрюля.

— Осторожнее! — крикнула Анна Ивановна. — Там не суп... Там моя роковая ошибка!

Муж наклонился было над кастрюлей, но сейчас же отшатнулся. Он сказал:

— Конечно, если утонувшего кота можно назвать роковой ошибкой, то...

Анна заломила руки высоко над головой и чужим фальцетом завизжала:

— Ну да, да! Да, да, да! Я дура! Я идиотка! Я поддавалась панике и теперь вот...

Анна Ивановна хотела красиво опустить заломленные руки, но тут она заметила: каблук ее левой туфли полностью вошел в брусок хозяйственного мыла, валявшегося на полу.

В. КАРБОВСКАЯ

Евган

Рис. Евгана

— Сколько показывают ваши часы?

— Сто восемьдесят рублей; шестьдесят рублей — часы да сто двадцать рублей — ремонт.

е три дня у вас обедаю и все три
ше к нам не заходили? Мы тут целый
ощ.

техника

ся к расходованию электрической энергии. Другие, уходя с работы, не тушат лампочки. Третьим умываются, что надо экономить энергию. Пятое — хр... такое... А свет без толку горит, и вообще неиз... елей энергии не придумать что-нибудь такое необхо...

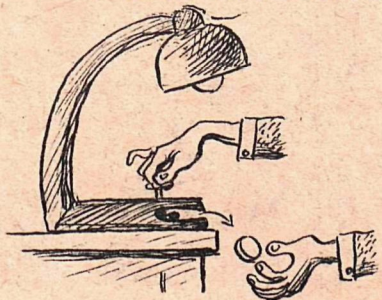
ьтации, необходимо механизировать все, что относится
мя на страницах нашего журнала. Пока же предла...

ать? Неужели же
ального человека,
ергивал забывчи-
? Нет, тот же
ток вполне спра-
дачей. Достаточно
ические провода к
Железный ключ
оводником), встав-
ину замка, создаст
й контакт, элект-
ка средней силы
держающего ключ—
ему, что надо

Принцип этой лампы — отблагодарить того человека, который потушил свет.

Повернутый выключатель, соединенный с нижней пружинкой, выталкивает пятачок, заключенный в подставку. Через соответствующее отверстие пятачок падает в руку сознательного гражданина, и тем самым лампа как бы говорит: благодарю вас, что вы меня потушили. Арапство и бесцельное тушение лампы, конечно, могут иметь место, но эта лампа рассчитана на высокосоциальных людей, которые считают ниже своего достоинства идти на жульничество.

С почтением заслуж. деят.
М. М. КОНОПЛЯНИКОВ-ЗУЕВ

РИЧЕСКАЯ
АЯ ЛАМПА
АРИО ВАС»

дело — только
ека, кричать на
ь на него ток:
о в смысле пере-
ности доставлять
льствие или мо-
ение.

и мы предлагаем
дений настольную
ю вас».

Рис. К. Рогова.

— Вот решила худеть и катаюсь верхом.
— Худеете?
— Я — нет, но лошадь — да.

Сочинение инженера А. Петракова

...И лежит она, эта книга жалоб, в санатории ЦК союза рабочих мясохолодильной промышленности в Анапе. Только называется здесь эта книга — «Книга предложений и пожеланий».

Среди прочих дельных замечаний кто-то из отдыхающих в избытке своих чувств ни с того ни с сего разразился таким фонтаном сладких и приторных комплиментов, что директора санатория, говорят, даже малость стошнило. И оный директор тут же начертал резолюцию:

«Кому нужны такие отзывы? Стыдно перед Вами, гг. отдыхающие, за незаслуженные хвалебные гимны!»

Такие отзывы мешают работе!»

И отдыхал в этом санатории инженер-строитель Петраков Арсентий Тимофеевич. Не вытерпел Петраков и возмутился, а, возмущившись, учинил в этой книге «предложений и пожеланий» запись, полную вдохновенного огня и жгучего протеста.

Запись эта представляет особый интерес для читателей Крокодила, а потому приводится дословно без каких-либо изменений и поправок:

«От отдыхающего инж. строит. Треста Якутзолото Петракова А.

Учитывая оглавление существующей книги беспристрастно относясь к личностям меднадзора считаю необходимым отметить следующие моменты недостатков.

1) Директор санаторий МХП пустивший в действие заголовок «книги» пожеланий отдыхающих, (которую читатель смотрит), явилась выбором личности? Фактором чего и служит его резолюция от 16/VII—1939 г. на листе № 9 на предложение вернее пожелание отдыхаю-

щих одной палаты численностью в 10 человек от 8/VII с/г.— на основании выше изложенного полагаю необходимым отметить явную несправедливость директора т. Затучного — вследствие лишения отдыхающего высказать свои мнения по поводу меднадзора, чем искажает демократию даже его первых наметок существующий книги сам директор Л. Д. Затучный не плохо обращается с больными — как администратор и товарищ, но недопонимает оценки специалистов от которых зависит скорейшее выздоровление больного и отдыхающего вверенного ему санаторий, результатом чего и получилось благодарность пожеланий на листе № 9 врачу Низовцевой — я же считаю необходимым вынести свою благодарность независимо от того что я по составу своего диагноза и не подошел к условиям «Анапы» (заклучение профессора) на за бытность здесь я находил без отказную помощь от сестры тов. Дудченко, доктора тов. Низовцевой и т. Васкевич, которые старались как можно, в их силах помочь (выздоровить) скорее и поставить на правильное русло течение моего столь истощенного здоровья.

Инж. стр. А. Петраков».

Нет, что и говорить, красиво пишет Арсентий Тимофеевич! Жаль только, что мы не знаем, в какой школе и в каком высшем учебном заведении обучался Арсентий Тимофеевич. Честь и хвала его учителям, которые сумели воспитать такого достойного и талантливого ученика и поставить течение его мыслей «на правильное русло».

Прощальное письмо

В лондонском зоопарке срочно уничтожаются ядовитые змеи, скорпионы и пауки — из опасения, что они расплодятся из разрушенных бомбардировкой террариумов.

(Из газет)

Уважаемый персонал зоопарка!
Прими наш привет и нашу любовь!
Мы в отчаянии. Нам становится жарко
Несмотря на осень и холодную кровь:
Вам поручено нас дотла уничтожить,
Потому что в условиях воздушной войны
Бомба может террариум вдрызг растворить
И мы станем опасными для страны.
Так вот. Привести мы желаем в ясность,
Поскольку приходит наш смертный час:
Где та, настоящая опасность,
Что сделала опасными нас?
Свое слово, конечно, мы к вам обратили,
Ибо вы только скрашивали наш плен,
Ибо лично вы нас кормили-поили,
А не какой-нибудь дипломат-джентльмен.
Мы не требуем жалости и сострадания,
Но хотим подчеркнуть, что паучий род
Плетет паутину для пропитанья,
А у вас поступают наоборот.
Мы выберем дерево или куртину
И ждем козявки себе на обед,
А у вас пауки своей паутиной
Оплести пытаются целый свет.
В паутине этой не мушка бьется!
Она стала решеткой всесветной тюрьмы!
Что ж... Как говорится: «Где тонко, там
рвется»

Война началась.

Но при чем же тут мы?!

Простите нервозность нашей критики:
Мы от рождения в политике — пас,
Но не наша вина, что ваши политики
Ряд своих качеств украли у нас!
Не наша вина, что, понятие не умея,
Как охранить свои рубежи,
Дипломаты у вас извивались как змеи
(Причем как гадюки, а не как ужи!)
Не наша вина, что с игривостью змеек
Делегации ваши и ваши послы
Вместо ясных дорог искали лазеек
И сплелись в запутаннейшие узлы.
Не наша вина, что во вред миллионам
Правители, еле занявши свой пост,
Пытались, подобно скорпионам,
Своих мирных соседей ужалить в хвост!
Вы на все их проделки смотрели сквозь
пальцы.

Вы наивно считали, что это львы!
Ах, друзья! Мы такие же нынче страдальцы
(В результате политики их!), как и вы!
Мы давно уже честно служим науке!
Почему ж мы, невинные, обречены,
Простите за пафос, на смертные муки
И являемся первой жертвой войны?!
Перед бомбежкой воздушных отрядов
Гадов надо бить? Очень может быть!
Но решите сначала, каких же гадов
Справедливее и эффективнее бить!
У кого в пушку действительно рыльце?
Не у ваших ли заправил «мудрецов»?
Поймите: мы только одна фамилия
И гибнем от путаницы адресов.
Вот и все.

Прощайте.

Конверт без марки.

Перед смертью формальности нам не с руки.

Уничтожаемые в зоопарке

По явной ошибке и в явной запарке

Скорпионы,

Змеи

и пауки.

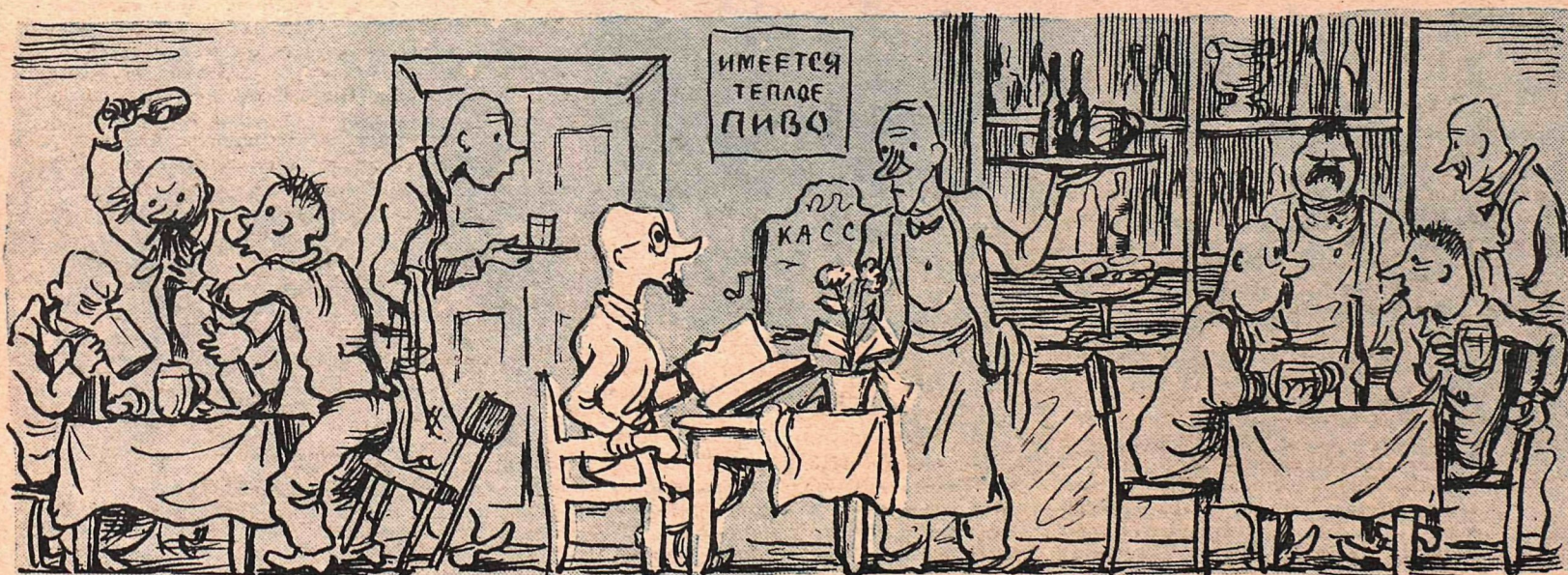
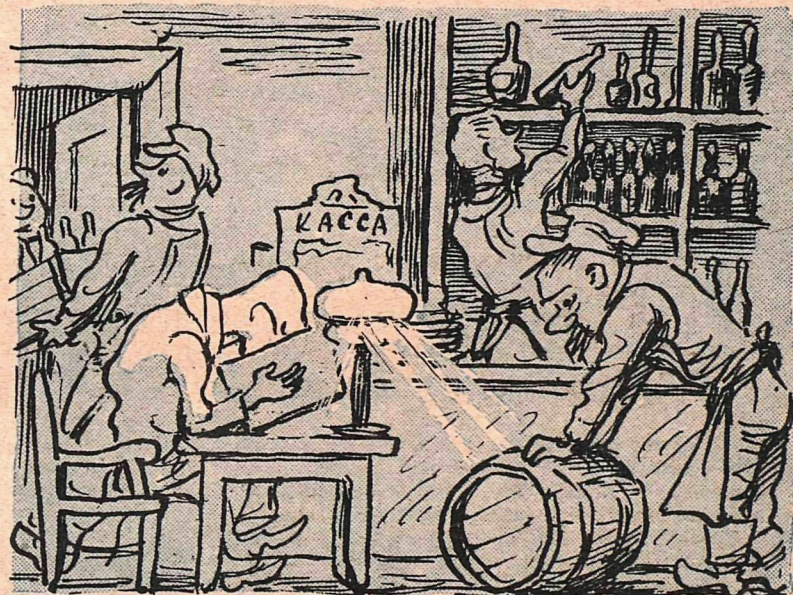
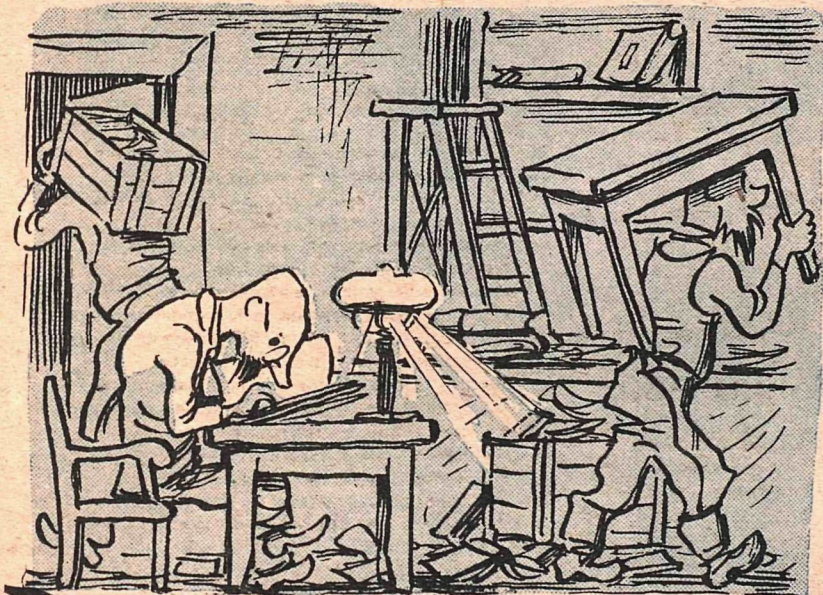
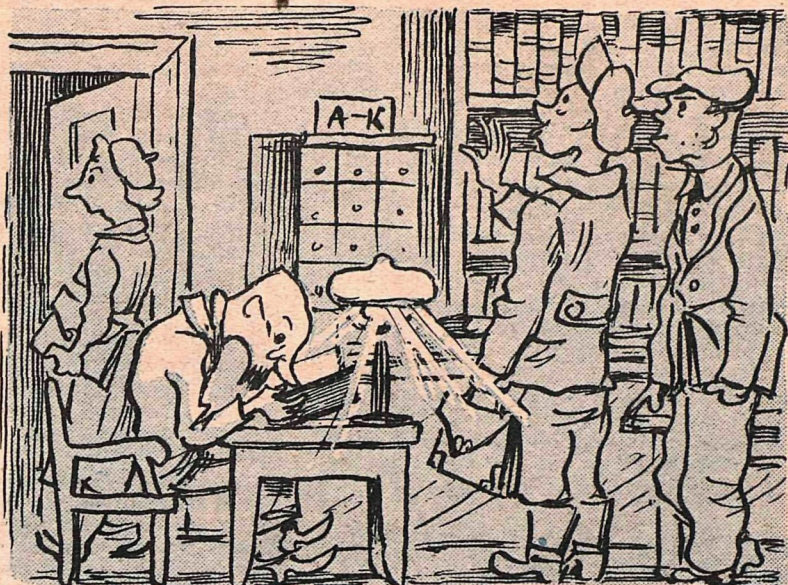
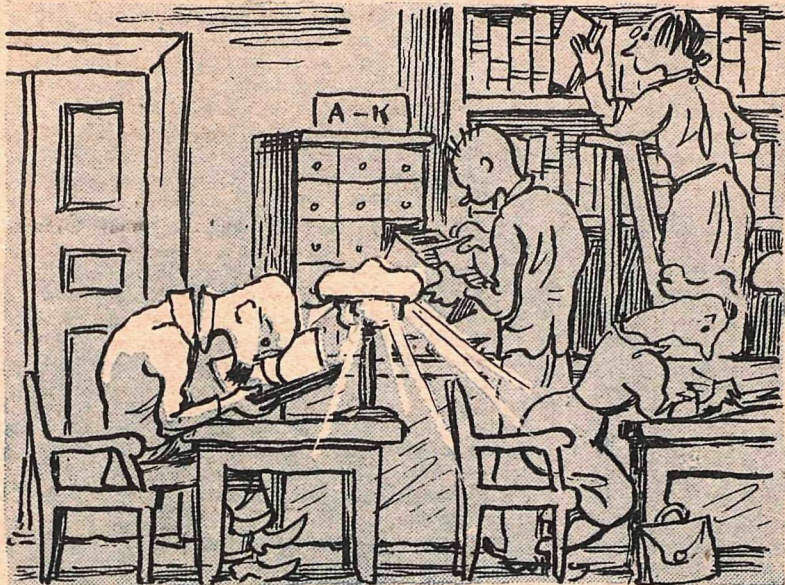
Перевел с ихнего на наш язык

НИКОЛАЙ АДУЕВ

**УВЛЕКАТЕЛЬНАЯ КНИГА,
или
ФАНТАСТИЧЕСКОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В АЛГАСОВСКОЙ РАЙОННОЙ БИБЛИОТЕКЕ**

По решению Алгасовского райисполкома, Тамбовской области, здание районной библиотеки заняли под пивную.

Рис. Н. Радлова

— Дайте второй том.
— Извиняюсь, томов не держим. Есть пиво.

Левый край

ЕГО встречали у ворот. Это происходило потому, что он был известен. Более того, он был знаменит. Стоило ему появиться у ворот, как сердца окружающих начинали биться сильнее и отрывистей. Все спешили ему навстречу, окружали его, старались приблизиться к нему и успокаивались лишь после того, как защита отбивала мяч далеко в поле.

Дело в том, что Гриша Цапелкин был неподражаемым мастером мяча, незаменимым левым краем и давнишним кумиром великого и благородного племени болельщиков.

Когда Гриша, прорвавшись к воротам противника, ураганным «штурмом» открывал счет, стадион стоя приветствовал его, а ребята кричали: «Цапелкин!.. Цапелкин!..» — и выпускали голубей с яркими ленточками на хвостах.

Так было и на этот раз. Команда «Дизель», в которой играл Гриша, неуклонно штурмовала ворота «Буревестника». Нападение «Дизеля» левым крылом шло вперед. Молниеносно обойдя защиту, Гриша передал мяч инсайту и, получив от него ответный пас, с полуполета отправил мяч в левый угол ворот.

Это был классический удар!.. Диктор в стеклянной будке восхищенно всплеснул руками и кричал:

— Вы слышите прохот, летящий с трибун!.. Это стадион отмечает блестящую игру Цапелкина!.. Это кричат взрослые и дети, приветствуя своего любимца!..

В перерыве между таймами в раздевалку футболистов пробился какой-то дядя в пенсне. Близорукко щурясь и обнимая Гришу, он шептал:

— Вы гений!.. Вы чудо!.. Когда гришиного поклонника вежливо выводили из раздевалки, он долго еще кричал в коридоре:

— Вы светлое явление!.. Вы факир!.. Во втором тайме Гриша забил еще один мяч.

Когда окончилась игра и отшумели овации, Гриша осторожно вышел со стадиона. У служебного входа его ждала Люся. Рядом с любимой Гриша заметил стайку ребят в возрасте от восьми до двенадцати лет.

— Здорово, Цапелкин! — приветствовали его ребята.

— А... Здравствуйте, орлы, — рассеянно ответил Гриша и взял Люсю под руку. Ему честно хотелось провести остаток этого бурного дня где-нибудь в уютной аллее парка, склонившись на плечо любимой, поведать ей о томлении своего сердца и тихо прошептать: «Милая!» или что-нибудь другое, равное по глубине и силе выражения.

В аллее было тихо, безлюдно и необычайно приятно. Гриша сел на скамью, рядом присела Люся. Она нежно взглянула на него и, немного помолчав, сказала:

— Ты прекрасно играл сегодня, Гриша. Я просто любовалась!.. Ты подумай, сто шестьдесят тысяч глаз одних зрителей, не считая милиции, следили за тобой!..

— Да... — тихо прошептал Гриша.

— И сто шестьдесят тысяч ладошек хлопали тебе, — продолжала Люся.

— А если пальцы считать, — послышался из-за куста чей-то высокий голос, — то, выходит, хлопало вам восемьсот тысяч пальцев!..

Влюбленные вздрогнули. Из-за кустов вышла группа верных почитателей гришиного таланта. Самому старшему было на вид лет двенадцать.

— Мы вот за вами шли, — начал один из ребят, — чтоб сказать вам, что Рябцев у «Буревестника» плохо верхние мячи берет... — Вы им, пожалуйста, бейте под штангу!.. — любезно посоветовал паренек лет восьми и в припадке застенчивости скрылся за спины товарищей.

Клятвенно заверив ребят, что он с сегодняшнего вечера переключится на удары под штангу, Гриша взял Люсю под руку и пошел в определенном направлении.

Ребята молча пошли вслед. Сверкая глазами, полными любви, один из

почитателей дернул Гришу за рукав и предложил:

— Хотите, я ваш чемоданчик понесу?.. — Не надо! — суховато сказал Гриша, не оглядываясь.

— Моя Тюкин фамилия, меня звать Геша, — настаивал паренек, — я до того дерева только донесу!..

Гриша молча передал ему чемоданчик. Малолетний Тюкин бережно принял драгоценный груз и, шатаясь от непосильного счастья, пошел за Гришей.

Остальные ребята кротко следовали позади. Когда Гриша прошался с Люсей, корректный Тюкин независимо отошел в сторонку.

— Завтра нет игры, Люсенька, — может быть, встретимся, погуляем? — робко предложил Гриша.

— Хорошо, — ответила Люся и, улыбаясь, скрылась в подезде.

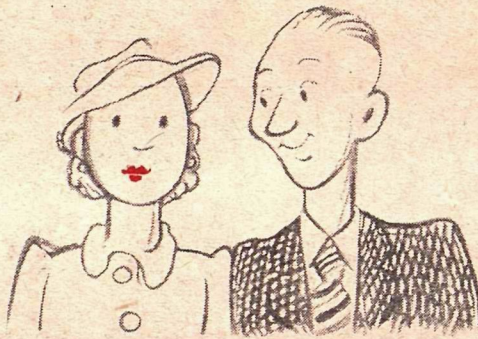
Домой Гриша дошел благополучно. Попрошавшись с ребятами и пожав руку Геше Тюкину, он вошел во двор.

Дворник Пахомыч, предательски покачиваясь, подошел к Грише и неуверенно сказал:

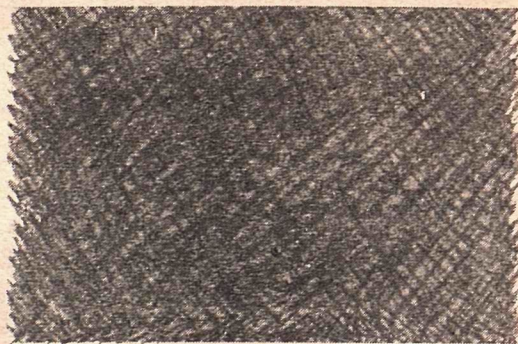
— Исправный вы человек, товарищ Цапелкин, и за квартиру платите своевременно и вообще играете как следует... Как вы их нынче-то возля ворот прибрали, а какой гол всобачили!.. Это я считаю — прямо диво... Дубелье, хе-хе-хе... Будьте любезны. Пока!.. — и, поклонившись Грише в пояс, Пахомыч пошел спать, по пути напевая: «Эй, вратарь, готовься к бою!..»

В КИНО

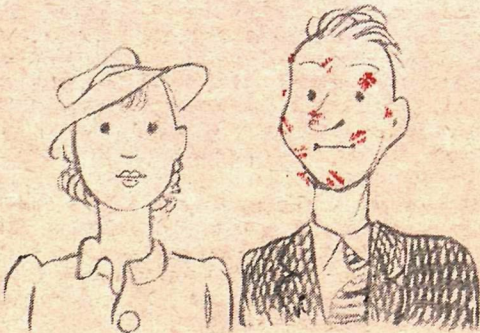
Рис. К. Рогова

Перед сеансом...

Во время...

После...

Гриша плохо провел эту ночь. Под утро ему приснился Геша Тюкин в пенсне. Тюкин грозил Грише пальцем и говорил:

— Вы чудо! А если еще и пальцы на ногах считать, то итого вам хлопал один миллион шестьсот тысяч пальцев!..

Всю следующую шестидневку не было соревнований. Гриша встречался с Люсей. Они гуляли в парке, ездили на Сельскохозяйственную выставку и были почти счастливы. Ребята преследовали их меньше. Ежедневно приходили приветственные открытки, подписанные: «Уважаемый вас Тюкин Геннадий».

Десятого августа «Дизель» встречался с «Победой».

Это была очень интересная игра. В первом тайме «Победа» открыла счет. Через тридцать минут, в конце второго тайма, Гриша прорвался и вышел один на один с вратарем... Люди затаили дыхание. Гриша спокойно остановил мяч на штрафной площадке — и пробил... мимо ворот!

Такие мазы история никому не прощает! Стадион стонал, как раненый зверь. А когда прозвучал свисток судьи, наступила зловещая тишина. Люди расходились, молча и не глядя друг на друга.

Люся, как всегда, ждала у входа. В парке никого не было.

— Вот мы и одни... — скорбно сказала Люся, и, не глядя на Гришу, добавила: — Нет худа без добра... как говорится!

Гриша виновато обнял Люсю и в тот же миг из-за кустов послышался бесконечно знакомый шопот:

— Он подумает, что мы его забыли... Я считаю, ребята, что с ним поговорить надо... Чуткость проявить!..

Гриша и Люся быстро пошли по аллее. Кондукторша в троллейбусе оторвала им два билета и с укором сказала:

— Чуть бы подправить и — гол!.. А вы... Эх!..

Домой они шли пешком. У ворот Гриша встретил молчаливого и впервые в этом сезоне трезвого Пахомыча.

— Будьте любезны, — официально сказал Пахомыч, но не выдержал и тут же с тоской добавил: — И-эх! Зря ты их подлецов помиловал!..

Открывая дверь, Гриша увидел в ящике для писем какую-то бумажку. Это была телеграмма:

«Удивлены, надеемся дальнейшем хорошему игру, привет семья Халамеевых».

Гриша опустил телеграмму в ящик и зашелкнул замок.

БОРИС ЛАСКИН

СТРОКИ ГОГОЛЯ К НАШИМ ДНЯМ

(Из «Тараса Бульбы»)

ВОЯКА

— Ай, какой важный вид! Ей-богу, полковник, совсем полковник! Вот еще бы только на палец прибавить, то и полковник!.. Нужно бы пана посадить на жеребца, такого скорого, как муха, да и пусть муштрует полки!

О БРАТСТВЕ

(Из речи Тараса Бульбы запорожцам)

...Вот в какое время подали мы, товарищи, руку на братство! Вол на чем стоит наше товарищество. Нет уз святее товарищества... Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в русской земле, не было таких товарищей!.. Чтoб мы не уважили первого святого закона товарищества, оставили бы братьев своих?! А ну, гайда, хлопцы, в гости к католикам!

Ночь. Луна по крышам бродит,
Лишь в окошке, что напротив,
Где живет один мой друг,
Вспыхнул свет зеленый вдруг.
Друг мой — летчик, он летает,
Я ж за партою сижу,
В общем он меня не знает,
Это я лишь с ним дружу.
Приподнявшись на кровати,
Я смотрю: с какой же стати
Встал в такое время он,
Когда людям нужен сон?
За окном блеснула ветка,
На стекло упала тень,
И, стуча, мотоциклетка
Со двора умчалась в темь..
Я сидел один в молчанье,
Подперев щеку рукой,
И заснул совсем случайно
И увидел сон такой:
Будто ночью надо мной
В небе был воздушный бой;

На крылатом аппарате,
Позабыв про сон и ночь,
Летчик от моей кровати
Гнал чужую птицу прочь.
Получается, он знал,
Что я в это время спал?
Получается к тому же,
Что и он со мною дружит?
Я проснулся утром, встал
И скорей газеты взял.
Просмотрел я пять газет —
Ничего про сон мой нет.
Нет, ну, значит, не нашел —
Это даже хорошо.
Но в одном, по крайней мере,
Безусловно я уверен:
Друг мой — летчик, он летает,
Я же сроду не летал,
Но меня он все же знает,
Хоть ни разу не видал.

ГЕОРГИЙ ПОМЕРАНЦЕВ

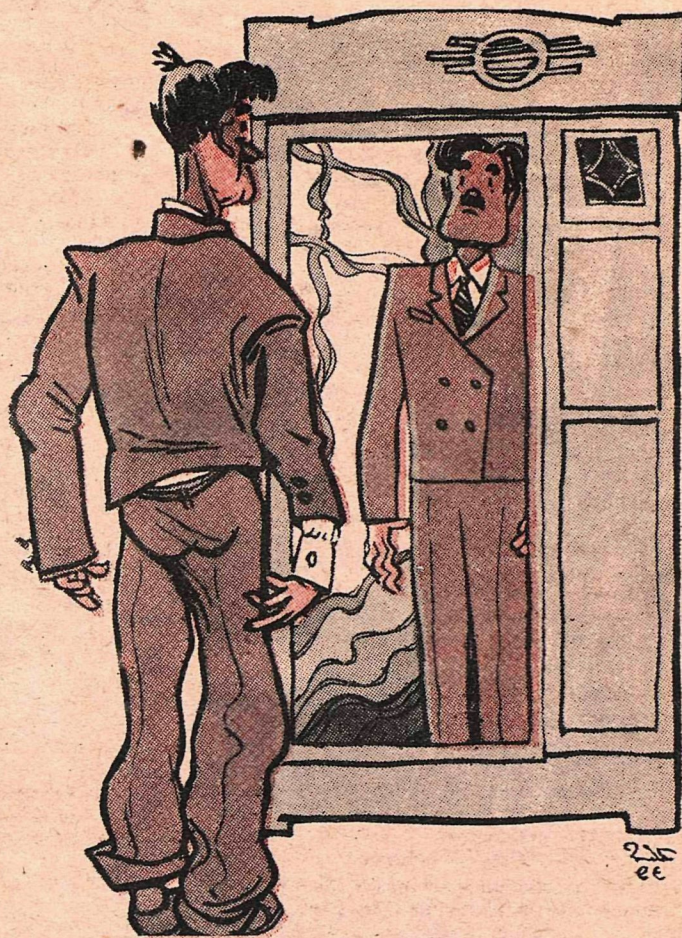
Смесь

ОПЫТНАЯ УСТАНОВКА. Работниками Главсахара открыт опытный завод полупромышленного типа по добыче патоки из сахара из бесчисленного количества дикорастущих «Дуниш», «Ксюш», «Груш» и прочих литературно-музыкальных гибридов, появляющихся на ниве искусства, а также очерков. Отход сахаристых веществ чрезвычайно обилен, и опытная установка вполне рентабельна.

РЕДКОЕ ЗАБОЛЕВАНИЕ. Заведующий серпуховским университетом в Москве в начале сентября устроил выставку «Все для елки». К новому году он хочет организовать «Весенний базар». Болезнь завмага изучается специалистами. Потрясенные горем родные стараются ничем не беспокоить больного.

В ЛИТЕРАТУРНЫХ КРУГАХ. Идя навстречу любителям изящной словесности, бюро художественной рекламы Наркомпищепрома выпустило новые тексты реклам. Из них наиболее удачными мы считаем следующие:

«Дробя стекло, кует булат
Наш фигурный шоколад».
«Хочешь быть с лица приятный,
Строен, крепок и высок —
Пей стаканами томатный
Сок».
И
«Я глух и нем:
Ем джем».

...И купил себе человек плохо сшитый костюм, искривлявший его фигуру, и, надев костюм, стал глядеться в зеркало, которое аллах тоже обидел качеством продукции... И случилось так, что все искажения зеркала пришлось на недостатки костюма и в зеркале человек увидел себя стоящим в прекрасной, аккуратно сшитой одежде, ибо, как говорит закон алгебры, «минус на минус всегда дает плюс»...

Твердокаменный Подкопаев

КТО может узнать в таком величественном и важном человеке, как Подкопаев, батрака в прошлом, а ныне выдвигенца, управляющего областным банком в Днепрпетровске? Как изменился человек! Был ли так величественен Ротшильд в свои лучшие времена, как наш уважаемый Никита Яковлевич?.. И откуда такая важность у человека? На людей не глядит. А взглянет — рублем не подарит. Суrowый человек! Он не признает никаких жизненных потребностей у своих подчиненных.

Не так давно в кабинет к Подкопаеву зашла сотрудница Левитанская. Заливаясь слезами, она с трудом произнесла:

— Никита Яковлевич, у меня умер отец... Прошу отпустить похоронить.

— Устраивайте свои личные дела после работы, — отрезал начальник. — Еще всякие покойники мне будут разлагать труддисциплину.

И только после горячей мольбы Левитанской немного оттаяло сердце Подкопаева. Взглянув на часы, он отчеканил:

— Сейчас одиннадцать пятьдесят. Даю вам на все-провсе один час. Ровно в двенадцать пятьдесят будете на работе.

Через час Левитанская была уже в банке. В похоронах она не участвовала. Этот случай вызвал возмущение всего коллектива, но Подкопаев остался при убеждении, что он прав.

Кредитный инспектор отличница тов. Селихова по предположению врачей через месяц должна была стать матерью. И вдруг этот момент настал внезапно на работе. Селихова обратилась к управляющему.

— Я не виноват, что вы беременны, и я не врач, чтобы отпускать вас с работы.

Вопреки воле начальника она отправилась в родильный дом, где вскоре и родила.

В делах месткома банка сохранилось заявление другой матери — тов. Лашкевич, которой управляющий отказал в законном праве пользоваться перерывом на кормление грудного ребенка.

Неуважение к людям, сотрудникам банка, доходит до анекдотического хамства. Шел дождь. На трамвайной остановке стояло пять сотрудников банка. Вдруг из-за угла выехал блестящий «ЗИС» и приостановился. Открылась дверь.

— Здравствуйте, товарищи. Смотрите, не опоздайте на службу, — радушно произнес Подкопаев.

«ЗИС» исчез за пеленой дождя, обдав бензиновым перегаром и брызгами воды из луж остолбеневших сотрудников.

Кстати о «ЗИС». В глазах Подкопаева это святая святых, которую он не разрешает оквернять даже секретарям парторганизации (они же являются заместителями управляющего). «ЗИС» неотделим от Подкопаева. Пешком ходит управляющий только от под'езда до кабинета. На своей благородной машине Подкопаев носится по лесам и полям области как метеор. Не даром пословица гласит: «Охота пуше неволи...»

В августе за дикими утками «ЗИС» гонялся похлеще гончей собаки. Руководитель банка слывет в городе за самого страстного охотника: не даром более 500 килограммов горючего сожжено на охоту, а командировочных считать не приходится.

Можно представить, как соскучился Подкопаев по своему «ЗИС», находясь целый

месяц в отпуску. Наднях заместитель управляющего получил молнию: «Вышлите немедленно «ЗИС» Бердянск с Сенькой. Подкопаев».

Телеграмма всполошила полутысячный коллектив. Заместители собрали чрезвычайное совещание, решали, как быть. Единственный банковский «ЗИС» занят на инкассации.

— Не послать ли «Газик», — заикнулся было кто-то.

— Что ты, выговор не оберешься! — возразили смельчаку.

Но делать нечего. После долгих обсуждений совещание обратилось к управляющему с телеграммой: «Машину выслать не можем, занята инкассацией, выезжайте вечерним поездом».

Вечером раздался пронзительный телефонный звонок. Почувствовавший неладное заместитель, как раскаленное железо, взял трубку.

— ...Безобразие!.. — рычала трубка. — Кто смеет мой «ЗИС» без меня брать да еще деньги на нем собирать?! Я вам покажу!.. Приказываю командировать Сеньку немедленно!

Переборов страх, заместитель первый раз в жизни не подчинился приказу грозного начальника — «ЗИС» не поехал в Бердянск.

Что-то будет теперь?..

Этот вопрос повис в сгущенной банковской атмосфере дамкловым мечом. А управляющий не едет, сидит в Бердянске, хотя уже срок отпуска прошел. Причина опоздания на работу уважительная: ему не подали «ЗИС».

Что-то будет теперь?..

В. КУПРИН
С. ПРУГЛОВ.

ПОСТОЯНСТВО

Если есть у бюрократа положительная черта, то это — постоянство характера, каковым отличаются почти все бюрократы. Что бы ни случилось, он, бюрократ, реагирует примерно одинаково: циркуляром.

Вот нам попала в руки бумага Большегосмакского городского совета (Днепропетровская область). Бумага носит, конечно, характер циркулярный и написана даже не на папиросной бумаге, а уже на чем-то вроде облака. Однако сквозь облако просвечивают нижеприведенные строки:

«Организуем и не позже 16 августа развернем регулярную работу кружков изучения положений о выборах в советы трудящихся.»

Занятия кружков производить 8, 16, 23 числа каждого месяца. О ходе работы изучения положений о выборах информировать горсовет 9, 17, 29 числа каждого м-ца по форме.»

А по форме этой нужно ответить на следующие вопросы:

«Всего кружков. Всего проведено занятий, заседаний, собраний, бесед. Присутствовало всего. В том ч. женщин. Выказалось в прениях. Работа кружков. Проведено общих собраний. Проведено занятий. Фамилия, имя и отчество руководителя кружка.»

Кроме того оговорено:

«Выделите специального человека, отвечающего за своевременную доставку данных информаций. Первую сводку-информацию представить 17/VIII—39 г.»

Тут же, на облаке этом, стоят и подписи:

И. об. пред. горсовета ШАВА, секретарь ГЕРДЕЛЬ.

СВЯТОЕ ДЕЛО

Во многих селах и деревнях Середского района, Ивановской области, до сих пор еще справляют религиозные праздники.

Рис. Б. Пророкова

— Илье пророку — шесть трудовней, Параскеве пятнице — пять, Фролу и Лавру — по три... А самому, выходит, и получить нечего!

Сведущие люди сообщили нам, что, кроме этого циркуляра, горсовет никак не проявил себя по части подготовки к будущим выборам. Оно и понятно. Мы уже говорили: бюрократ — человек постоянный, и милее циркуляра ему ничего на свете нет.

НИКОГО НЕ ЗАБЫВАЮТ

В городе Новосибирске течет, струится реченька, называемая Каменкой. Речка эта славится не многоводностью, не судоходством или рыбными промыслами, а тем, что берега ее очень круты. И, поскольку струится эта реченька в черте города, жители, особенно те, кто обитают по берегам ее, принуждены лазать по крутым обрывам. Общеизвестно, что в благоустроенных городах это не принято. А вот крупный областной центр — Новосибирск — позволяет себе такую роскошь.

И жители левого берега Каменки, которым особенно часто приходится карабкаться на обрыв или спускаться с обрыва, уже выработали такую скороговорку:

— Чтoб им было пусто в горкомхозе, в райкомхозе, в райсовете, опять в коммунхозе, опять в райкомхозе, опять в райсовете...

Причем мы должны заметить, что текст заклинания построен отнюдь не на суеверных предрассудках. Нет. Просто граждане перечисляют те инстанции, по которым вот уже больше года странствует просьба группы жителей построить лестницу на берегу Каменки. А цена этой лестницы — одна тысяча рублей. Вот за тысячу рублей и теряют свое доброе имя все перечисленные выше организации. А жители? Жители, ползая по обрыву, никого не забывают из своих благодетелей.

Бумаги на подпись

ПРОЕКТ ОБЯЗАННОСТЕЙ

И завернет иногда человек в письмо такое выражение, что потом сам не разберется. Так, по нашему мнению, завернул директор Московской областной филармонии И. Перес в приказе № 141 от 10 сентября:

«Несмотря на мое распоряжение до сих пор сотрудники филармонии не представили мне на утверждение проект своих обязанностей и план работы на сентябрь месяц.»

Обращая внимание на эту недисциплинированность **ПРИКАЗЫВАЮ:** не позже 11-го сентября с. г. к 12 часам представить мне проект своих обязанностей и план работы на сентябрь месяц.

Директор И. Л. ПЕРЕС.

Невольно напрашивается, а знает ли сам тов. Перес проект своих обязанностей? И кто утверждал этот проект?

К ВОПРОСУ О ПРОРАБАХ

Совхоз «Самсоново» (Туркмения) просил Наркомсовхозов Туркменской ССР направить к ним прораба. Наркомат ответил обстоятельным письмом:

«Прорабов в Наркомате нет. Мысли направить Вам тедженско-

Коллежский секретарь Ефим Фомич Перекладин из чеховского рассказа «Восклицательный знак» рассуждал:

«— Да нешто в бумагах нужны чувства? Их и бесчувственный писать может...»

Приводимые ниже документы со всей категоричностью опровергают столь легкомысленное утверждение Ефима Фомича Перекладина. Бесчувственные люди не могут быть авторами таких документов.

го прораба Попова. Он как прораб ничего, но в силу пьянок в Теджене скандалит с семьей. Если Вы не возражаете принять его, сообщите срочно.

В трезвом виде говорят, что он не дерется с семьей.

Мы его Вам направим на Ваше усмотрение, он не прогульщик, но указанные недостатки есть. С директором не сработался.

Ну всего Вам хорошего. Наркомсовхозов ТССР Мамошин».

ОБРАЗЕЦ ОПЕРАТИВНОСТИ

Блестящий образец оперативности и руководства показала председатель Сталинградского областного комитета МОПР тов. Зиноватая.

Районные комитеты МОПР в области работают плохо. Не желая себя утруждать, тов. Зиноватая разослала всем районным газетам стандартные письма:

«В Вашем районе существует так называемое Оргбюро МОПР председателем Никонов. Руководители Райоргбюро МОПР совершенно забыли о том, что они являются руководителями, и с них партия и трудящиеся массы спросят ответственность за бездеятельность. Обкому МОПР неизвестно, сколько ячеек и членов МОПР в Вашем районе и вообще неизвестно, что делает Райоргбюро МОПР Вашего района.»

Сталинградский Обком МОПР обращается в редакцию с тем, чтобы ваша газета напомнила председателю Райоргбюро МОПР тов.

Никонову, что он является руководителем МОПР».

Председатель Сталинградского Областного Комитета МОПР Зиноватая».

Крокодил в свою очередь напоминает тов. Зиноватой, что она является руководителем областной организации МОПР. Просим газету «Сталинградская правда» написать «о бездеятельности руководителя Обкома МОПР» т. Зиноватой и указать ей на политическую важность деятельности Мопровской организации».

ПОСЛЕДНЕЕ ДОСТИЖЕНИЕ ТЕХНИКИ

До сих пор типография только тем и занималась, что печатала всякого рода литературу: газеты, книги, бланки. Но начальник планово-экономического отдела Наркомместпрома Туркмении тов. Покровский пожелал расширить деятельность предприятий этого рода и разослал очень существенный для любой типографии запрос:

«Ильям РИК

Письмом № 2/2608 от 8.VIII с. г. Наркомат Местной Промышленности просил типографию сообщить количество перемолотого зерна за 1-е полугодие и июль месяц».

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Начальник управления по делам искусств при Совнарком Киргизской ССР тов. Сенников издал приказ, где отметил высокое качество одного спектакля и объявил одним участникам спектакля благодарность просто, другим — большую благодарность, третьим — большую благодарность и, наконец, четвертой группе товарищей — искреннюю благодарность.

Разрешите наши сомнения. Чем, например, отличается большая благодарность от глубокой? Чем отличаются все прочие благодарности от искренней, — значит ли это, что их выносят неискренно? И стоит ли после этого товарищам из нашего театра, получившим благодарность просто, благодарности большую и глубокую, благодарить за это тов. Сенникова?

МАКЕЕВ, директор Киргизского государственного театра музыкального театра
ВАСИЛЬЕВ, главный режиссер театра, орденосец
КУТУБАЕВ, режиссер-постановщик, орденосец
МАЛДЫБАЕВ, народный артист СССР, орденосец
ШТОФЕР, художник театра, орденосец
САДЫКОВ, солист театра, орденосец

Дорогой Крокодил!

В шутке «Юбилей» А. П. Мехова директор банка тщательно желает втолковать жене губернского секретаря Настасье Федоровне Мерчуткиной, что «обращаться к нам с подобной просьбой так же странно, как подавать прошение о разводе, например, в аптеку или в пробирную палату». Но ведь то была Мерчуткина, про которую этот же директор сказал: «Вот пробка».

А как нам аттестовать начальника московской межобластной базы материально-технического снабжения «Заготскот» тов. Крыжановского, который требует «заготовки» 10 шт. кожаных пальто от нас — от базового хозяйства татарской республиканской конторы «Заготскот». Мы заготавливаем скот, а не ширпотреб. И Крыжановский — не жена губернского секретаря. Нельзя же ему повторить изречение о пробке...

ПОДОЛЬ, начальник базового хозяйства конторы «Заготскот»

г. Казань.

Дорогой Крокодил!

Обычно бывает так, что люди едут в дом отдыха, там лечатся и отдыхают. Я же принуждена отдыхать и лечиться по возвращении из

дома отдыха. Отдыхать и лечиться от курорта «Усолье» (Иркутская область).

Не успела я туда приехать и показать свою путевку, как на меня стали глядеть пронизывающими глазами, допрашивать, пугать арестом. И регистраторша, и бухгалтер курорта Болотенко, и управляющая курортом Белова впали в какое-то тихое бешенство, заставляя меня чистосердечно сознаться, что путевка «краденая».

Наконец, меня как закоренелую преступницу арестовали и повели через весь курорт в отделение милиции. Там сержант Мионов меня допросил и отобрал путевку. Совсем я упала духом. В чем же было дело? Оказывается, что кто-то неправильно заслал путевки вместо одного обкома в другой. Дело выяснилось, мне дали другую путевку. Но разве на этом и конец? Разве так и останется в тени этот «кто-то», кто послал путевки не по адресу? Разве Болотенко и Белова — эти «следователи-любители» — не получат вознаграждения за свои труды?

Пока же этого не сделано, ездить в «Усолье» страшно.

К. ЯНКИНА

г. Усолье.

Дорогой Крокодил!

Работая заместителем директора Арзгирской МТС, я решил переехать на работу в Хабаровский край. Как член партии я вошел с соответствующим ходатайством в

первичную парторганизацию и в райком партии, которые, поддержав мою просьбу, переслали ее через крайком партии в Центральный Комитет. Мне оставалось только ждать решения ЦК и продолжать работать.

Но не тут-то было! Директор МТС Никипилий, стороной узнав о моем желании переехать в Хабаровск, вдруг издал приказ о моем увольнении, мотивируя его тем, что райком партии, дескать, не возражает против моего отъезда в Хабаровск.

Вот и хожу я по милости Никипилого без работы за страшное преступление: захотел поехать в Хабаровский край, где, как известно, работники тоже очень нужны.

З. ГАВРИЛЮК

с. Арзгир, Орджоникидзевского края.

Товарищ Крокодил!

Врачи-гомеопаты встречаются повсеместно. Что же касается профсоюзников-гомеопатов, то они, как весьма редкое явление, наблюдаются только среди сотрудников ЦК союза работников кооперации Сибири и Урала. Посуди сам. Проявляя поистине материнскую заботу об инспекторах труда Якутского обкома своего союза, ЦК прислал в обком сразу 2 (прописью: две) книжки по охране труда, предложив распределить их между всеми общественными ин-

спекторами и комиссиями по охране труда. Подсчитав, мы пришли к печальному выводу: каждый инспектор может, примерно, получить только по одной пятидесятой части этой полезной книжки. Такая гомеопатическая доза пособий в профсоюзной практике встречается, по-моему, впервые.

И. БАЖЕНОВ,

инспектор охраны труда Якутского обкома союза работников кооперации.

Дорогой Крокодил!

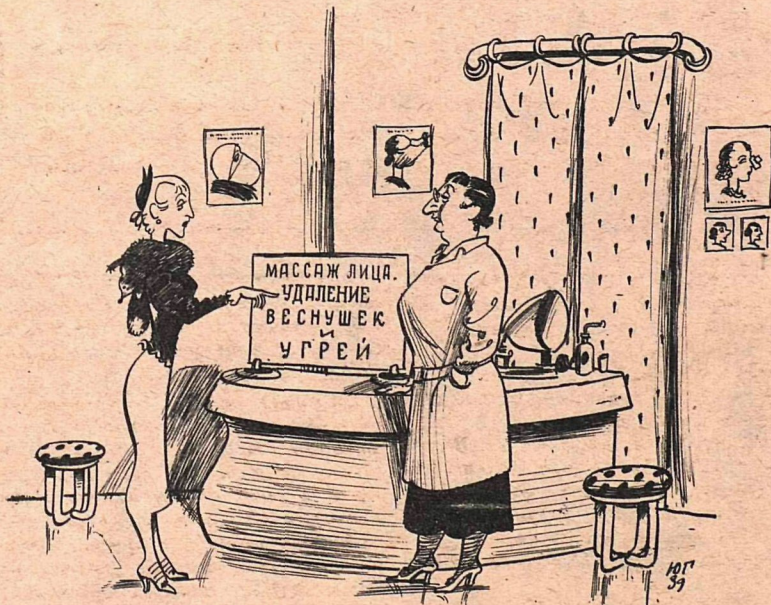
В центре села Красносельского, Сабирбадского района, расположен врачебный пункт, который зорко охраняется стадом коров (в 300 голов!), пасущимися у пункта ежедневно с 11 до 4. Площадь у пункта загрязнена стадом невероятно. Коровы поочередно суят свои морды в окна пункта, очевидно, проявляя этим живой интерес к медицине, чего, к сожалению, не скажешь ни о райкоме партии, ни о рике и ни о Наркомздраве Азербайджанской ССР, куда пункт неоднократно обращался по указанному вопросу, но безуспешно.

К. ПАДАЛКИН

Село Красносельское, Сабирбадского района, Азербайджанской ССР.

СОМНЕНИЕ В СЕРВИСЕ

Рис. Ю. Ганфа

— И это все вы делаете в присутствии заказчика?..

Происшествия

СПАСШИИСЯ. Вчера на Большой Садовой был задержан в одном белье и тигровой пижаме гражданин К. Как оказалось, он убежал из кабинета бытового обслуживания, в который он зашел на десять минут для утюжки костюма три дня тому назад. Там его раздели, разули и держали три дня под пальмами на мягком кресле и пытали радиолой.

НАПАЛИ НА СЛЕД. Угрозиск напал на след ловких рецидивистов, специальностью которых было ограбление кассы главков Наркомпищепрома при помощи поставки недоброкачественных реклам. Ими была замучена до полнейшего истощения и побеления зрачков девочка на рекламе «А я ем повидло и джем». Ими же подсовывались доверчивым покупателям оглушительные стишки вроде нижеследующих: «Витаминами богатый свеж и вкусен сок томатный» и «На каждой улице, в каждом переулке знают о вкусной Московской булочке», в которых рифма заменена низкопробным сурогатом.

Р. Роман.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 6 часов. Подписная цена на журнал — 1 р. 80 к. в месяц

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Москва. Изд. № 940

Слача текста и рисунков 15/IX 1939 г.

Подп. к печати 27/IX 1939 г.

Статформат 72×105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Уполномоченный Главлита № А—16887. Типография газ. „Правда“ имени Сталина. Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 2981. Тираж 275 000 экз.

45

Рис. Ю. Ганфа

ОБЯЗАТЕЛЬНО
2-ОКТИ 1939
 Всесоюзный Царский Личный

Период и сроки	4/5	20	«Гурь лет»
Получ. в ред.	4/5		
Сдан в арх.	4/5		

Польские эмигранты